

A detailed illustration of a pregnant woman with long, wavy blonde hair and a crown, wearing a blue, off-the-shoulder, lace-trimmed gown. She is being embraced from behind by a man with long dark hair, wearing a dark, ornate suit of armor. They are standing in a lush, mountainous landscape with a river, a waterfall, and a large, fairytale-style castle in the background under a sunset sky.

Камилла Рэй

Драконий СЕО

Бизнес-попаданки

18+

Камилла Рэй

Драконий сео

<https://litres.ru/74215984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела другой жизни и получила. С лихвой.

После отчаянного желания «всего другого» Татьяна просыпается в теле Элизы — нелюбимой жены Великого Дракона Оливера. И не просто жены, а в момент попадания беременеет. План прежней Элизы был простым: фиктивная беременность и свобода. Но магия зелья колдуньи смешала все карты, и теперь в теле капризной блондинки оказалась душа циничной бизнес-леди.

Ее муж уверен, что наконец-то зачал наследника и требует соблюдения договора. Ее подруга в панике от ее «странностей». А сама Татьяна понимает, что единственный способ выжить в этом мире магии и монстров — это применить свои главные навыки: провести оптимизацию, навести порядок и заключить выгодную сделку. Даже если твой партнер — огнедышащий дракон с характером хуже, чем у самого несговорчивого клиента.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	62
Глава 8	73
Глава 9	85
Глава 10	93
Глава 11	106
Глава 12	112
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Драконий сео

Глава 1

Теплый летний ветер оббивал мое разгоряченное тело, играя полами шелкового халата. Я стояла, слегка покачиваясь, на огромном балконе элитной высотки. В руках — бокал с чем-то шипучим и сладким. Какой по счету? Пятый? Шестой? Я уже сбилась.

Из квартиры доносился взрыв хохота и громкая музыка. Там бесились мои подружки, отмечая девичник Лизки — последней из нашей «великолепной пятерки», сдававшейся в объятия брака. И не просто брака. Она сияла, ее живот был аккуратным бугорком под халатом, а в глазах стояла та самая умильная дурь счастья, которую я так презирала и... тайно жаждала.

А я? Мне 37. Я — Татьяна. Топ-менеджер. Акула бизнеса. Специалист по оптимизации всего, что плохо лежит. У меня есть все: кабинет с видом на город, квартира в центре, счет в банке, который вызывает удивление даже у моего финансового консультанта. И нет ничего. Никого.

Даже любовника не было. Целый год. Целый год только презентации, дедлайны, цифры и пустая, начищенная до блеска спальня, в которой я только сплю. Иногда мне даже во сне снились графики, а не мужчины. Это был полный, оглушительный провал по всем статьям.

Я опрокинула в рот остатки противной шипучки. Солнце садилось, окрашивая небо в истерично-розовые тона. И по моим щекам вдруг покатались предательские слезы. Горькие, соленые, бессмысленные.

— Я хочу по-другому, — прошептала я в пустоту, и голос прозвучал хрипло и жалко. — Я хочу по-другому.

Я закрыла глаза, и мир поплыл. Шум города куда-то стих, растворился в гуле в крови. И сквозь этот гул мне почудилось, что кто-то второй, чей-то голос, отчаянный и быстрый, подхватил мои слова, повторил их в унисон, словно молитву, заклинание.

«Хочу по-другому! По-другому!»

И вдруг пол ушел из-под ног. Нет, не так. Весь мир ушел из-под ног. Я летела. Мягко, словно в невесомости. Я открыла глаза — вокруг плавали звезды, переливались спирали туманностей, мерцал неземной свет. «Шипучка, — промельк-

нула единственная связная мысль. — Я все-таки перепила этой дряни».

Я плыла голая в этом безумном космосе, и было не страшно, а безумно красиво. А потом я ощутила первый толчок. Грубый, властный, на грани боли. Все мое тело содрогнулось. Потом еще. И еще.

Сознание заволочло туманом, в котором смешались звездная пыль и животный жар. Это был сон. Самый яркий, самый реальный и самый пошлый сон в моей жизни. Тот самый, которого мне так не хватало для разрядки.

Над моим лицом возникло другое. Мужественное, злое, прекрасное. С темными, почти черными глазами, в которых плясали какие-то золотые искры. Он смотрел на меня с каким-то свирепым недоумением, словно что-то чувствуя, но не понимая что.

Его движение замерло.

А мне было плевать. Плевать на его злость, на его недоумение. А я хотела только одного, чтобы этот дикий, первобытный танец продолжался.

— Да... — это вырвалось у меня само собой, стоном глу-

бочайшего, забытого удовольствия.

Он замер, приплюхиваясь, как зверь. Его взгляд стал еще напряженнее.

Я захныкала, уже по-настоящему, по-бабьи, забыв про всю свою карьерную мощь, и бессознательно повертела бедрами, требуя продолжения.

— Ты почему остановился? — мои слова прозвучали хрипло и требовательно, сквозь хмель и сон. — Продолжай.

И он, с каким-то сдавленным рычанием, повиновался.

А я утонула в вихре ощущений, в этом странном сне, где боль смешивалась с наслаждением, а звездный свет — с жаром чужого, могучего тела.

Я двигалась навстречу, с наслаждением ощущая под ладонями игру литых мышц его спины. Господи, какого я себе красавчика выдумала! Такого мужчину я в жизни не встречала — не только телом, но и этой дикой, животной страстью, которая исходила от него волнами и смывала последние остатки здравого смысла.

Я отдалась этому вихрю полностью, без остатка. Стонала,

кусала губы, извивалась под ним. В какой-то момент, захваченная порывом, я даже шлепнула его по упругой мышечной попе. А что, мой сон, что хочу, то и делаю!

Он на мгновение замер от удивления, и я почувствовала, как напряглись его мускулы. Но вместо того чтобы обидеться, он лишь сдавленно рыкнул и ускорил темп, став еще грубее, еще неистовее.

И вот настала та самая, сокрушительная кульминация. Меня выбросило на пик так сильно, что мир померк. Трясти нас начало одновременно, волнами, выматывающими душу.

«Ух, огромный же мужчина мне приснился», — промелькнула последняя связная мысль, прежде чем я рухнула на что-то мягкое, вероятно, подушки, полностью обессиленная и довольная. Я сладко потянулась и уже почти провалилась в глубокий сон, но какая-то идиотская, чисто гигиеническая мысль заставила меня пробормотать в полусне:

— Мы же предохранялись?

Тишину разорвал его резкий, изумленный выдох. Я почувствовала, как матрас пружинит. Он резко приподнялся на локте, и его фигура огромным силуэтом нависла надо мной.

— Что? Предохранялись? — его голос прозвучал глухо, но в нем явно читалось ледяное недоумение и раздражение. — Элиза, ты... что с тобой? Ты на себя не похожа.

Он произнес это имя «Элиза» с какой-то ядовитой примесью презрения и привычки. Мой затуманенный мозг едва зацепился за это слово.

Красавчик выдохнул, и напряжение слегка спало.

— Хотя какая разница. — Его тон вновь стал холодным и деловым. — Сделай, что обещала, и будешь свободна. Завтра тебя увезут в Усадьбу Цветов.

Я почувствовала, как кровать качнулась — он встал. Его шаги зазвучали по каменному полу, удаляясь.

Усадьба Цветов? Обещала? Элиза?

Вопросы крутились в голове, но сил на раздумья не было. Тело было тяжелым и ватным, а сон смыкался над глазами черным, непроглядным бархатом.

«Хотя, какая разница...» — мысленно повторила я его же слова и провалилась в глубокий, беспробудный сон, пахнувший чужим постельным бельем и мужским потом.

Мне снилось, что я лечу на лифте вниз с сотого этажа. Мое тело шатало, а желудок подкатывал к горлу. Резкий толчок, и я проснулась. Вернее, меня разбудила тошнота. Дикая, всепоглощающая, знакомая каждой женщине, но лично для меня абсолютно новая.

Я не успела даже открыть глаза, как меня перекосило. Я с трудом откинулась с какой-то невероятно широкой и высокой кровати, меня начало дико мутить.

Голова раскалывалась, во рту было горько и противно. Я с трудом сфокусировала взгляд.

На полу лежал мой бокал с шипучкой. Нет. Не бокал. Масивная серебряная чаша, искусной работы.

Я медленно подняла глаза.

Я находилась не в квартире у подруги. Я была в огромной, полутемной комнате, больше похожей на тронный зал. Стены из темного грубого камня, высокие сводчатые потолки. Вместо окон были арочные проемы, затянутые легкой тканью, сквозь которые лился утренний свет. В воздухе пахло дымом, камнем и чем-то... звериным.

Я сидела на кровати. Нет, не на кровати, а на очень огромном ложе с красивым и явно дорогим постельным бельем.

Я посмотрела на свои руки. Это были не мои руки. Эти были изящнее, белее, с идеальным маникюром и тонкими, аристократичными запястьями.

Сердце заколотилось с бешеной силой. Паника, острая и холодная, стала сдавливать горло.

Я дотронулась до своего лица. Кожа — как персик. К голове... К голове прилипали длинные, шелковистые пряди. Я схватила одну и поднесла к лицу. Она была цвета спелой пшеницы.

— Что за черт? — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим. Он был выше, мягче, с легкой, музыкальной интонацией.

И тут дверь в покои с грохотом распахнулась. На пороге стояла... нет, не стояла, а высилась фигура того самого мужчины из моего «сна». Он был еще огромнее при дневном свете. Широкоплечий, с грудью, колесом, в простых льняных штанах, затянутых на бедрах. Его шоколадные волосы были слегка растрепаны, а лицо... его красивое, идеально вылепленное лицо было искажено гримасой брезгливого раздра-

жения.

— Элиза, — произнес он ледяным тоном, от которого по коже побежали мурашки. — Убери это. — Он кивнул в сторону кубка на полу. — И приведи себя в порядок. Через час мы выезжаем.

Он повернулся, чтобы уйти, но я, движимая чистым, животным ужасом, не удержалась и крикнула ему вслед:

— Постой! Кто ты? Где я? Что это за Усадьба Цветов?

Он замер и медленно обернулся. Его темные глаза сузились. В них плескалось уже не просто раздражение, а настоящее, неподдельное изумление. Он пристально, до боли вглядывался в мое лицо, будто видя его впервые.

— Что с тобой? — наконец выдавил он. — Это твоя новая дурацкая игра, жена?

Слово «жена» прозвучало как приговор.

Глава 2

Слово «жена» прозвучало как удар хлыстом по обнаженным нервам. Жена. Это не сон. Это какая-то кошмарная реальность. Адская шутка, в которую меня втянули против моей воли.

Мой взгляд метнулся по сторонам, ища выход, спасение, хоть что-то знакомое. Он упал на огромную арочную дверь, ведущую на балкон. Сквозь щели в резных створках лился ослепительный солнечный свет.

"Тааак, по ходу дела, мой сон все еще продолжается, — с отчаянной надеждой подумала я. — Значит, надо просто проснуться. Резко. Экстренно."

Логика трещала по швам, но паника была сильнее. Я сделала единственный выход — сигануть с балкона. Во сне же не больно? Откроешь глаза, и ты уже дома, в своей квартире, с жутким похмельем и чувством глубочайшего стыда за такие дикие фантазии.

Не долго думая, я, совершенно голая, окончательно встала с ложа. Мне было плевать на этого огромного красавца,

на его изумление, на условности. Это мой сон! Я ринулась к балконной двери, резко распахнула тяжелые створки и замерла на секунду пораженная.

Воздух ударил в лицо, чистый, свежий, пахнувший цветами, хвоей и чем-то незнакомым, сладковатым. Передо мной открывался вид не просто из сказки, а из самого дорогого и пафосного фэнтези-фильма. Горные пики, утопающие в облаках, бескрайние изумрудные леса, а внизу, прямо под балконом, раскинулся сад невероятной красоты. Цвели деревья, с которых осыпались розовые и белые лепестки, искрились на солнце ручьи, а вдали даже виднелось озеро с хрустально-бирюзовой водой.

— Ну точно сон, — с облегчением выдохнула я. — Я не знаю, где бы могло быть такое красивое место. Только в моей голове.

И я, шлепая босыми ногами по холодному камню балкона, ринулась вперед. К резной балюстраде. Мне не нужны были подробности. Мне нужен был щелчок и пробуждение.

Я перемахнула через перила и прыгнула в эту ослепительную, благоухающую бездну.

Ветер засвистел в ушах, хлестнул по коже, забил в легкие.

Я летела, раскинув руки, готовая вот-вот проснуться.

Но щелчка не последовало.

Вместо этого земля стала приближаться с пугающей, абсолютно реальной скоростью. Я увидела каждую травинку в том самом сказочном саду, каждую ветку цветущей яблони. Ужас, ледяной и тошнотворный, сковал меня. Это не был сон. Это было по-настоящему. И сейчас я разобьюсь.

Я зажмурилась, ожидая удара.

Но вместо него на меня накрыла огромная, стремительная тень. Что-то очень большое и очень мощное врезалось в меня на лету, обхватив сзади. Раздался оглушительный взмах, будто гигантские паруса наполнились ветром. Падение резко замедлилось, сменившись стремительным скольжением вперед.

Я оказалась зажата в чьих-то стальных объятиях. Сквозь бешеный стук сердца я слышала за спиной тяжелое, яростное дыхание. И почувствовала под пальцами... не кожу. Что-то твердое, теплое, чешуйчатое.

Я рискнула приоткрыть глаза.

Моя спина была прижата к мощной груди того самого мужчины. Но это был не совсем он. Его руки, обхватившие меня, были покрыты темно-бронзовой, почти черной чешуей, когти длиной в палец впивались мне в плечи. А за его спиной... За его спиной бились два огромных кожистых крыла, пронзенных жилами и тонкими, как спицы, костями.

Мы плавно шли на посадку, опускаясь на мягкую лужайку в центре сада. Он приземлился на ноги так же легко и бесшумно, как кошка, все еще не выпуская меня из объятий. Его дыхание обжигало мне шею.

Я обернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Его глаза пылали уже не просто изумлением или раздражением. В них бушевала настоящая буря. Ярость, недоумение и... дикий, животный испуг.

— Ты... Ты сошла с ума?! — прошипел он, и его голос звучал глубже, хриплее, с каким-то металлическим призвуком. — Ты хотела убить себя? И моего наследника?!

Он потряс меня так, что зубы щелкнули.

— Какого наследника? — прошептала я, и голос мой дрожал. — О чем ты?..

Он не ответил. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде что-то переломилось. Он принялся, втягивая воздух, будто пытаясь учуять знакомый запах и не находя его.

— Кто ты? — наконец выдавил он, и в его тоне впервые прозвучала не злоба, а что-то другое. Что-то похожее на смятение. — Ты выглядишь как Элиза, но ты... Что с тобой случилось прошлой ночью?

Я могла только смотреть на него в полном ступоре, понимая лишь одно: прыжок с балкона не сработал. Проснуться не получилось.

И, судя по его крыльям, чешуе и разговорам о наследнике, дела были гораздо, гораздо хуже, чем я могла предположить.

К нам уже бежали несколько человек. Во главе была очень красивая брюнетка в невероятном платье, словно сошедшая с полотна старинного мастера. Шелк, кружева, корсет — полный маскарад, но на ней это выглядело естественно и стоило, я была уверена, целое состояние. За ней семенили три женщины попроще, в темных скромных платьях и фартуках — точь-в-точь прислуга из исторических сериалов.

Брюнетка первая подбежала ко мне, ее глаза были круглыми от ужаса. Она тут же сдернула с плеч собственный бар-

хатный плащ и накинула его на мои дрожащие плечи, прикрывая наготу.

Мой красавец-крылатый... муж?.. отпустил меня, отступив на шаг. Его взгляд, все еще пылающий яростью, был теперь обращен на брюнетку.

— Елена, проследи за своей подругой, — его голос прозвучал холодно и отчужденно, будто он отдавал приказ о содержании опасного животного. — Она окончательно поехала крышей. Через час отправляемся. И чтобы она была в порядке.

Он бросил на меня последний взгляд, полный какого-то сложного, непонятного мне коктейля из гнева, недоумения и... ответственности? Затем он резко развернулся и ушел, его мощная спина с уже исчезнувшими крыльями быстро удалялась по садовой дорожке.

Я стояла, как вкопанная, все еще не в силах вымолвить ни слова. Дрожь пробивала меня мелкой дробью, хотя от холода не было и следа.

Ко мне подбежали служанки, залепетав что-то полное тревоги и сочувствия. Но брюнетка резким жестом остановила их.

— Отойдите! Принесите успокоительное и одежду для леди Элизы в ее покои! Немедленно! — ее голос звучал властно и привычно.

Служанки тут же кинулись выполнять приказ, бросившись назад к зданию.

Как только мы остались одни, Елена схватила меня за руку выше локтя так крепко, что стало больно, и потащила за собой по тропинке, ведущей в боковой вход замка.

— Ты что творишь, Элиза? — прошипела она мне на ухо, ее красивое лицо исказила смесь страха и злости. — С ума сошла? Прыгнуть с балкона? При нем? При Оливере! Ты хоть понимаешь, что наделала?

Ее слова доносились до меня сквозь густой туман шока. Оливер. Элиза. Елена. Усадьба Цветов. Обрывки информации, которые мой мозг отказывался складывать в картинку.

— Я... я не... — я попыталась что-то сказать, но язык не слушался.

— Молчи! — резко оборвала она, оглядываясь по сторонам. — Молчи и слушай. Что бы с тобой ни случилось, ты

должна взять себя в руки. Сейчас не время для твоих истерик. Ты добила своего. Он женился на тебе. Теперь ты его законная жена и носишь его наследника. Твоя задача — родить. А потом... потом ты будешь свободна и богата. Такова была ваша договоренность! Или ты забыла?

Она втащила меня в полутемный прохладный коридор замка. Ее слова обрушивались на меня, как камни.

Договоренность. Жена. Наследник. Свобода.

Это было похоже на самый ужасный бизнес-контракт в моей жизни. И я, похоже, была стороной, которая его отчаянно нарушала.

— Или ты все-таки выпила то зелье, которое дала тебе та ведунья? — прищурилась подруга, ее шепот стал еще злее и тише.

Я уставилась на нее, чувствуя, как почва окончательно уходит из-под ног. Какое зелье? Какая ведунья?

— Какое зелье? — пролепетала я, и мой голос прозвучал слабо и потерянно.

Елена смерила меня взглядом, полным досады и страха.

—Ну то, чтобы не забеременеть, а сделать вид? Я сразу тебе говорила, что я против этой безумной идеи. Еще и слова странные «по-другому» повторять. Шарлатанка она, ясно же было!

В моей голове, словно щелкая переключателем, что-то начало сходиться. Пьяный вечер. Слезы. Отчаянное желание «по-другому». Шепот в унисон... И кубок с той самой шипучкой, которая оказалась не шампанским. Это было зелье. Зелье, которое должно было изменить мою жизнь. И оно изменило. Просто не так, как хотела та, первая Элиза.

— Кажется, я выпила... — выдавила я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

— Не может быть! — глаза Елены округлились от настоящего ужаса. Она схватила меня за плечи, тряся. — Я слышала, как твой муж говорил лекарю на рассвете, что именно сегодня ночью зачал с тобой ребенка! Что он почувствовал, что ты открылась ему наконец-то, и у вас получилось! Он был почти... счастлив, черт побери! Если ты выпила ту дрянь, то как он почувствовал дитя? Или тебе там ведьма подсунула что-то другое? Но зачем?

Ее слова обрушились на меня тяжким, невыносимым грузом. Пазл сложился целиком.

Я не просто попала в другое тело. Я попала в тело женщины, которая пыталась обманом избежать беременности от могущественного мужа-дракона, выпив какое-то шарлатанское зелье. А вместо этого... вместо этого она призвала меня. Тот, кто шептал «по-другому» в унисон со мной — это была она. Отчаявшаяся Элиза.

И ее «по-другому» и мое «по-другому» столкнулись в магическом взрыве. И теперь я здесь, беременная от дракона. И он это знает. И он этого хотел.

В висках застучало молоточками. Кровь отхлынула от лица. Стены коридора поплыли, закружились, завертелись в спираль.

— Ой... — слабо успела я выдохнуть.

И мир резко ушел из-под ног, сменившись плотной, непроглядной чернотой. Я свалилась в обморок прямо в объятия Елены, не в силах вынести тяжести этого нового, чудовищного контракта, в который меня втянули без моего ведома.

Глава 3

Мне снился сон. Неприятный, вымученный, как плохой сериал, который ты досматриваешь просто потому, что начал.

Мой бывший, Дмитрий. Красивый, пустой, как банка из-под консервов, и такой же бесполезный. Во сне он бросал меня. Его лицо, обычно слащавое, сейчас было искажено злобной гримасой.

— Ты вечно на работе! Ты не женщина, ты — робот! Холодная, расчетливая машина! — кричал он, а я, во сне, истерично рыдала, чувствуя себя обесцененной и одинокой.

Ирония была в том, что ему не нравилось, что я «вечно на работе», но сам он работать не хотел категорически. Его профессия — «инвестор», что на деле означало прожигание моих денег под соусом грандиозных планов. Но надо отдать ему должное — лил он мне в уши комплименты мастерски. «Таня, ты богиня», «Ты затмеваешь всех», «Только с тобой я чувствую себя мужчиной». Моя самооценка, подточенная вечной гонкой, всегда после этого взлетала до небес, чтобы через пару дней, когда он закатывал скандал из-за очередной

некупленной ему машины, рухнуть обратно.

Предел наступил, когда я обнаружила, что он, помимо прочего, завел себе молоденькую любовницу и оплачивал ее шикарную жизнь с моих же карт. В тот день в реальности я не плакала. Я была спокойна, как ледник. Просто заблокировала все его доступы, сменила замки, а его вещи выставила в подъезд. Когда он пришел с воплями, я через дверь сказала всего одну фразу: «Будешь ломиться — вызову полицию». Он ушел. А потом оказалось, что этот гаденыш успел вынести и забрать все подарки, которые дарил мне... на мои же деньги.

Во сне же я была той слабой, которой не была в жизни. Я рыдала, унижалась, просила его остаться.

Из этого ужастика меня вывел голос. Низкий, с металлическим отзвуком, который я уже успела узнать. Оливер. Он говорил где-то совсем рядом, за тонкой резной ширмой, отделявшей мою кровать от остальной части покоев.

— ...я чувствую малыша. Он крепкий, сильный. Да, ночью она... открылась и могли зачать. Но и она сама будто стала другая.

Я замерла, притворившись спящей, и прислушалась. Ко

мне вернулись все воспоминания: балкон, падение, крылья, Елена и ее страшные слова.

Другой голос, более старческий и размеренный, ответил: — Господин, ее все равно надо отправить в Усадьбу Цветов. Морской воздух и уединение пойдут беременной драконице на пользу. Здесь слишком много... суеты. Я вижу, вы сомневаетесь?

Я затаила дыхание на слове "драконица". Последовала пауза в их разговоре, такая густая, что ее можно было потрогать. Когда Оливер заговорил снова, его тон изменился. В нем появилась та самая смесь смятения и настороженности, которую я уловила в саду.

— Ее запах изменился, Лекарь. И поведение тоже. Раньше от нее пахло страхом и сладостью, приторной, как забродивший мед. А теперь... — он замолчал, будто приносиваясь к воздуху прямо сейчас. — Теперь пахнет... розами. И сталью. И она смотрит на меня не как испуганная крольчиха, а как... как равная. Прыжок с балкона... это не ее поступок. Та была слишком труслива для такого.

Мое сердце бешено заколотилось. «Пахнет розами». Ну да, я всегда предпочитала их аромат. А "сталь" — это, видимо, моя решительность, которую он ощущал на каком-то

зверином уровне.

— Изменения могут быть связаны с беременностью, господин, — осторожно заметил Лекарь. — Гормоны... они сильно влияют на натур, даже драконы.

— Возможно, — неохотно согласился Оливер. — Но отправлять ее одну я не хочу.

— Господин! А переговоры с горными кланами? Они назначены как раз на время вашего отсутствия!

— Перенесите их. Скажите, что у меня... семейные обстоятельства, — произнес Оливер, и в его голосе прозвучала та самая железная воля, которую не оспоришь. — Туда, в Усадьбу, она поедет не как ссыльная, а как моя супруга. Под моей защитой. Я хочу понять, что с ней происходит.

Шаги удалились. Я лежала с закрытыми глазами, переваривая услышанное. Итак, план «сослать беременную жену подальше» сменился на план «взять ее с собой для изучения». Положение улучшилось? Или ухудшилось?

Я медленно открыла глаза и уставилась в узорчатый балдахин над кроватью. Передо мной стояла сложнейшая управленческая задача: интеграция в новый коллектив (состоя-

щий из одного, но очень важного акционера), освоение непонятных бизнес-процессов (магия, драконы) и главное — выполнение условий кабального контракта (рождение наследника), о котором я ничего не знала. Да что сказать, я все не верила, что беременна.

«Оптимизация, Татьяна, — сказала я себе мысленно. — Сначала проведи аудит. Собери информацию».

Я приподнялась на локте и громко, четко позвала:
— Елена! Ко мне!

Мой голос, незнакомый и мелодичный, прозвучал в каменной тишине комнаты уже без тени слабости. В нем слышались все те же нотки, которыми я когда-то разносила в пух и прах доклады своих менеджеров.

Пришло время навести тут свои порядки.

Я услышала быстрые, легкие шаги, и из-за резной ширмы выскочила Елена. На ней было все то же роскошное платье, но волосы слегка растрепались, а во взгляде читалась неподдельная тревога.

— Лена, — начала я, решая брать быка за рога. — Мы с тобой как к другу относимся? Мы подруги?

Она смерила меня взглядом, полным подозрения.

— Ты странные вопросы задаешь. Может, тебе еще поспать? Отъезд перенесли из-за тебя, все равно есть время.

— Она попыталась уйти от ответа, поправляя несуществующую складку на юбке.

— Ответь, пожалуйста, на вопрос, — проговорила я, и в моем новом, мелодичном голосе прозвучали стальные нотки, не терпящие возражений.

Елена вздохнула с преувеличенным раздражением.

— Мы вынуждены дружить, Элиза. Или ты вчерашний прыжок головой вперед не только характер, но и память отбил?

— Это как? — немного опешила я.

— Мы девочки из двух самых древних и богатых драконьих родов. Нас приставили друг к другу в детстве, чтобы мы дружили. Создали выгодный альянс еще на уровне детских платиц. У нас выбора не было. Ты что, все забыла? — она закатила глаза с таким мастерством, что стало ясно — эта тема между ними поднималась не раз.

«О как», — пронеслось у меня в голове. Типичная история из мира высшего света, будь то драконы или олигархи.

Дружба по расчету.

— И как ты на самом деле ко мне относишься? — я впи-
лась в нее взглядом, не отводя глаз.

Она замешкалась, ее взгляд поплыл в сторону, губы сжа-
лись. Видя ее нерешительность, я решила подбодрить.

—Ну давай, не стесняйся. Говори правду, за это ничего
не будет. Обещаю.

Елена на секунду посмотрела на меня с настоящим,
неподдельным удивлением, будто впервые увидела. Потом ее
лицо снова стало маской высокомерия, но в нем появилась
трещина.

—Бесишь ты меня, — выдохнула она, и в ее голосе про-
звучала неподдельная усталость. — Бесишь своей глупо-
стью, истеричностью и инфантильностью. Ты как ребенок,
которому дали в руки волшебную палочку, а он ноет, что та
тяжелая. Но я вынуждена тебя терпеть из-за клятвы моего
рода и нашего Дома. Так что да, мы «подруги».

В ее словах не было злобы. Была констатация факта. Горь-
кого, неудобного, но факта. И в этот момент моя внутренняя
бизнес-интуиция, та самая, что помогала находить слабые
места в контрактах, заработала на полную катушку. Передо
мной был не враг. Это был потенциальный союзник. Недо-

вольный, скептически настроенный, но связанный по рукам и ногам обязательствами. А недовольных партнеров можно мотивировать, предложив им выгоду.

— Лена, — сказала я тихо, но очень четко, приподнимаясь на кровати. — Мне надо успеть до отъезда съездить к той ведьме, у которой мы покупали зелье.

Глаза Елены округлились до размера блюдеч. Она аж подпрыгнула и замахала руками, шипя:

— Ты с ума сошла?! После всего? Оливер итак ходит и смотрит на всех с подозрением ! Если он узнает...

— Он не узнает, — перебила я ее. — Если ты мне поможешь. Ты же сказала, что вынуждена терпеть. Вот и потерпи еще немного. Свези меня к ней. Мне нужно понять, что за зелье я выпила на самом деле. И что со мной теперь происходит.

Я смотрела на нее, пытаясь передать взглядом всю серьезность своего намерения. Старая Элиза могла бы капризничать и требовать. Я же просто констатировала необходимость и предлагала план.

Елена смотрела на меня, и по ее лицу пробегала целая гамма эмоций: страх, раздражение, любопытство и... искорка азарта.

—Ты не та, за кого себя выдаешь, — наконец прошептала она. — Кто ты, черт возьми?

—Я та, кому ты сейчас нужнее, чем когда-либо, — парировала я, не отвечая прямо на вопрос. — Ну что? Ведешь меня к ведьме или нет?

Она закусила губу, оглянулась на дверь, потом снова посмотрела на меня. И кивнула. Один короткий, резкий кивок.

—У нас есть час. Одевайся. Только, ради всех драконов, надень что-нибудь потемнее и попроще. И если нас поймают, я тебя знать не знаю.

Победа. Первая крошечная победа в этом новом, безумном мире. Теперь главное — не облажаться на следующем шаге. И не попасться Оливеру...

Глава 4

С Еленой мы действовали быстро и слаженно. Складывалось стойкое ощущение, что Элиза, которая была до меня, проделывала этот путь не раз. В потайной нише за гардеробом, доверху забитом воздушными платьями, оказался скромный сундук. А в нем — несколько комплектов простой, но добротной одежды из плотной ткани, идеальной для горожанок или небогатых торговек. И, что самое удивительное, там были парики: русый, каштановый и даже огненно-рыжий.

Все это мне с молчаливым, но выразительным вздохом показала Елена. И чем дольше мы взаимодействовали, чем больше она видела мои решительные движения, слышала мои четкие, лишённые прежней манерности интонации, тем подозрительнее и пристальнее становился ее взгляд. Она ловила каждое мое слово, каждый жест, будто пытаюсь разгадать самый сложный шифр.

Я понимала, что скоро мне придется ей раскрыться. Полное неведение могло стоить нам обоим слишком дорого. Но мое шестое чувство, та самая бизнес-интуиция, что не раз спасала меня на переговорах, подсказывало: не сейчас. Ключ

ко всему был у той самой ведуньи. После разговора с ней и можно будет решать, посвящать ли Елену в мои маленькие.

Времени было в обрез, поэтому, переодевшись в простые платья и прикрыв мои знаменитые светлые локоны темно-каштановым париком, мы, как тени, проскользнули по лабиринту потайных ходов, которыми пользовалась прислуга. Запах влажного камня, плесени и чего-то звериного подсказывал, что, видимо, эти коридоры использовали не только люди.

Выйдя на неприметной улочке в нижнем городе, мы поймали первого попавшегося извозчика. Вернее, он сам нас поджидал на углу, и его взгляд сразу же стал слишком знакомым.

— Леди, — он щелкнул языком, и его глаза, цвета темного меда, весело сверкнули. Он был чертовски хорош собой — черноволосый, с дерзкой ухмылкой и уверенностью в каждом движении. Когда я стала забираться в кибитку, он страстно подмигнул именно мне.

Елена ему в ответ лишь сладко улыбнулась и помахала ладошкой, как старой доброй собаке. Я же не смогла сдержать гримасы отвращения. Неужели моя предшественница умудрялась изменять такому мужу, как Оливер, с каким-то улич-

ным Казановой? Это было уже не просто легкомыслие, а клиническая глупость. Мне определенно предстоял долгий и подробный разговор с Еленой о «деловых связях» моей предшественницы.

Кибитка тронулась, подбрасывая на брусчатке. И тут я почувствовала легкую, но отчетливую тошноту. Не от тряски и не от запаха лошадиного пота. Та самая, знакомая многим женщинам утренняя слабость, только сейчас, похоже, было ближе к вечеру.

Я прислонилась к жесткой спинке сиденья, закрыв глаза. В голове пронеслись слова Оливера: «Я чувствую малыша. Он крепкий, сильный».

«Интересно, — подумала я с долей странного, отстраненного любопытства, — а дракончики быстро растут? И что они там вообще делают? Толкаются? Или, например, слегка поджаривают изнутри?»

Мысли были нереальными, но тошнота была самой что ни на есть настоящей. Похоже, условия моего нового «контракта» включали в себя не только стратегическое планирование, но и самый банальный, земной токсикоз.

Ехали мы недолго. Казанова гнал лошадей так, что через

минут десять мы уже подлетели к нужному кварталу. Елена, не глядя на него, бросила: «Жди нас здесь». Он опять страстно посмотрел на меня и вызывающе поднял бровь. Я не выдержала и показала ему средний палец. На что он не смутился, а лишь облизнулся, заставив меня задуматься, что, возможно, этот жест в мире драконов означает что-то вроде «ах, какая ты шаловливая!». Надеюсь, я ненароком не пообещала ему чего-то совсем уж неприличного.

Я думала, мы подъедем к какому-нибудь зловещему дому с петухами на заборе или, на худой конец, к избушке на курьих ножках. Но мы с Еленой зашли в самый обычный магазинчик, точь-в-точь как в сказочных сериалах. Полки, заставленные склянками с разноцветными жидкостями, пучки сушеных трав, связки кореньев, пыльные фолианты. Пахло медом, пылью и чем-то горьковатым.

За стойкой стояла не старая карга, а очень красивая женщина с огненно-рыжими волосами и хитрющими зелеными глазами. И смотрела она не на Елену, а прямо на меня с такой знающей улыбкой, что у меня по спине побежали мурашки.

— Здравствуй, Татьяна, — произнесла она, и мое имя в ее устах прозвучало как давно ожидаемое приветствие.

Внутри все сжалось. Интуиция кричала: «Она знает!»

—Здравствуй, ведьма, — с таким же спокойным тоном ответила я, подходя к стойке. — Ты, зная мое имя, явно уже поняла, зачем мы приехали. Так уж вышло, что нас ждет отправка в какую-то там Цветущую усадьбу. Можешь сократить нам время и сама все рассказать, что я хочу у тебя узнать?

Ведьмины глаза сверкнули от удовольствия.

—Ммм, какой деловой подход! — она рассмеялась, и ее смех был похож на звон хрустальных колокольчиков. — Мой выбор был правильный. Давай сэкономлю вам время. Предыдущая Элиза была сверхъестественной стервой, надоела всем. Всех ненавидела, всем грубила. А вот ее муж, Оливер, — всеобщий любимец, всем всегда помогал. Елена, — ведьма своим ухоженным пальчиком с темным лаком ткнула в сторону моей спутницы, — тоже заслужила лучшего, а не быть вечной нянькой для капризного ребенка.

Лена, прижавшаяся в углу у полки с какими-то жутковатыми заспиртованными органами, дико побледнела и смотрела на нас с выпученными глазами, будто увидела привидение. Видимо, «лучшего» от нее никто никогда не ждал.

Ведьма продолжила, как будто зачитывала сводку погоды:

—Так уж вышло, что твоя душа очень красивая, она прямо плавала на поверхности. Ты сама внутри хотела другого и

заслужила этого. Ты, может, не замечала, но за свою жизнь столько добрых дел сделала, столько людей вытянула, что магия просто не могла пройти мимо.

— Ну, если сейчас я в теле Элизы, то где сейчас настоящая Элиза? — перебила я ее, чувствуя, как у меня подкашиваются ноги.

— Все очень просто. Она в твоём теле. И, между прочим, она сошлась обратно с Дмитрием. Он в ней сейчас души не чает, а она из него сейчас такие веревки вьет своими капризами, — ведьма беззаботно махнула рукой. — Они уже почти спустили все твоё состояние. В общем, они стоят друг друга.

Вот тут уже я начала бледнеть. Не от жадности к деньгам, а от осознания чудовищной несправедливости. Моя жизнь, мой труд, все, что я строила годами... Эта мразь Дмитрий и эта капризная дура... Тошнота подкатила к горлу стремительно и неотвратно. Меня начало тошнить. Ведьма, как по волшебству, подтолкнула ко мне ногой обычное ведро, в которое я и угодила, с точностью снайпера.

— В двух словах и отпускаю вас, — продолжала она, как ни в чем не бывало, невинно хлопая ресницами. — Выноси малыша, роди. Сделай Усадьбу Цветов прибыльной. Там та-

кой потенциал! А дальше, если что, я могу обратно поменять вас местами.

Я тыльной стороной руки вытерла рот и уставилась на нее в ужасе.

—А с супругом что мне делать?

Ведьмина улыбка стала еще шире и загадочнее.

—Главное — его не обижай. Он хороший. А все остальное... меня не волнует. Теперь это твои проблемы, дорогая. Удачи! Выметайтесь, у меня клиенты скоро будут.

И она повернулась к нам спиной, начав переставлять склянки на полке, давая понять, что разговор окончен.

Я стояла, опираясь о стойку, с ведром в руках и с кашей в голове. Елена молча подошла ко мне, взяла ведро, отставила его и тихо сказала:

—Поехали. Пока извозчик не начал скулить.

Когда мы вышли, Елена резко повернулась ко мне. Ее глаза были размером с блюдца, рот приоткрыт, чтобы выпалить шквал вопросов. Но она ничего не успела сказать.

Ее взгляд скользнул за мою спину, и лицо исказилось смесью ужаса и дикого облегчения. Я обернулась.

Кибитка стояла на месте. Но она представляла собой жалкое зрелище: обугленную по бокам, с обгоревшими колесами. А рядом на мостовой аккуратно, почти церемонно, горела сложенная в кучу одежда Казановы — его лихая куртка и штаны. От костерка валил едкий дым. Самого же извозчика нигде не было видно.

Жар от костра бил в лицо, пахло паленой шерстью и кожей. Меня снова затошнило.

— И что же вы делали в этом магазинчике? — раздался сбоку низкий, бархатный и до смерти знакомый голос. — А еще... что у вас за вид такой?

Я медленно повернула голову. Оливер стоял, прислонившись к стене соседнего дома, в небрежно-элегантной позе. На его лице играла легкая улыбка, но глаза... Его глаза были холоднее льда и горели золотыми искрами. Он был страшен в своем спокойствии.

Елена издала звук, похожий на писк мышки.

Мой мозг выдал самый честный ответ. Я зажала рот и нос рукой, чтобы не чувствовать запах гари, и буркнула сквозь пальцы:

— Лично я блевала...

Улыбка на лице Оливера дрогнула. Он явно ожидал чего угодно, но только не этого.

— ...в ведро, — добавила я для ясности, опуская руку. — У нас, у беременных, токсокоз, знаешь ли. Непредсказуемая штука. А вид... — я махнула рукой на свое простое платье и парик, — ...гигиенический. Чтобы блевать анонимно. Не позорить твой род.

Елена тихо ахнула. Оливер перевел взгляд с меня на нее.

— Елена, — его голос стал тише, но от этого еще опаснее. — Ты отвезешь мою драгоценную супругу домой. Самой короткой дорогой. И объяснишь мне позже, что за «гигиенические» процедуры требовали посещения... этого заведения. — Он кивнул на дверь магазина ведьмы. — И где наш беглый кучер, которому внезапно стало «жарко». Вернее ты явно знаешь, где он живет, и я хочу знать.

Потом его взгляд снова уперся в меня. Он медленно подошел ближе, так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло. Он наклонился, и его губы почти коснулись моего уха.

— А с тобой, радость моя, — он прошептал так тихо, что услышала только я, — мы поговорим наедине. Очень обстоятельно. Я хочу услышать все о твоём... токсикозе.

Он выпрямился, и на его лице снова появилась светская улыбка.

— А теперь извините, дамы, мне нужно убедиться, что костерок безопасно догорит. Нецивилизованно как-то.

Он повернулся к тлеющей одежде. Елена, не говоря ни слова, схватила меня за локоть и потащила прочь. Я шла, как в тумане, с одной странной картинкой в голове: где-то в переулках этого города бежит голый и перепуганный Казанова. И это было одновременно и смешно, и жутко. Мой «аудит» завершился. Теперь предстоял отчет перед драконом, которого не проведешь историями про гигиеническое блевание.

Глава 5

На удивление, Елена очень быстро нашла нам новую кибитку. И, что было уже совсем неудивительно, извозчик — другой мужчина, лет пятидесяти, с умными глазами и седой в бороде — узнал нас. Он молча кивнул Елене, помог мне забраться внутрь с почтительным поклоном, и тронул лошадей плавно, без лишней спешки.

«Ох, и много у меня будет вопросов», — промелькнуло в голове. У этих девчонок явно была своя сеть. Целая шпионская организация под названием «Побеги леди Элизы». Но все вопросы отступили перед новым, настойчивым ощущением. К тошноте, которая теперь была скорее фоновой, прибавилось другое — дикий, волчий голод. Такой, что сводило желудок.

А еще в голову полез навязчивый вопрос, холодный и логичный. Почему? Почему все признаки беременности, тошнота, голод, обострившееся обоняние, проявились так ярко и сразу? Я появилась в этом теле буквально вчера. Разве не должно было пройти время? У драконий беременность протекает по-другому? Мысли путались, создавая больше вопросов, чем ответов.

Я украдкой взглянула на Елену. Она сидела напротив, сжав руки на коленях, и смотрела в сторону, но по напряженной линии ее плеч было видно, что она не пейзажами любит. Она обдумывала что-то свое. Ее взгляд метнулся в мою сторону, поймал мое наблюдение, и она быстро отвернулась. Но я успела заметить в ее глазах не просто подозрение, а настоящую бурю: страх, любопытство и острую необходимость понять, что происходит.

Ну, прекрасно. Отлично, даже. Посмотрим теперь, насколько сообразительна моя новая «подруга по несчастью». Интеллект всегда был той валютой, которую я уважала больше всего.

— Лена, — тихо сказала я, перекрывая стук колес. — Тот извозчик... он голый сейчас бежит по городу потому, что Оливер ревнует? Или потому, что он просто не выносит неподчинения?

Она резко повернулась ко мне, глаза снова стали круглыми. Видимо, она ожидала чего угодно, но не прямого вопроса.

— Мой кузен... он не ревнивый, — медленно проговорила она, взвешивая каждое слово. — Он собственник. Это

разные вещи. Для него этот... голозадый... был несанкционированным активом на его территории. Он просто конфисковал актив и выдворил его за пределы... хм... деловой зоны. В минимальной комплектации.

Я чуть не фыркнула. «Минимальная комплектация» — это было сказано сильно. Деловой подход Елены к описанию варварской выходки ее кузена, теперь кстати стало ясно их отношения, был мне странно близок.

— Понятно, — кивнула я. — То есть, это была не эмоция, а... санкция за нарушение регламента.

— Именно, — Елена смотрела на меня все пристальнее. — Элиза... Татьяна... кто бы ты ни была. Ты говоришь не так. Думаешь не так. Ты вчера прыгнула с балкона, а сегодня стоишь перед разгневанным драконом и рассказываешь ему про блевание в ведро. Прежняя Элиза в такой ситуации уже бы рыдала и рвала на себе волосы.

Она сделала паузу, вглядываясь в мое лицо, будто пытаясь прочесть сквозь парик и черты Элизы что-то другое.

— Ведьма сказала... что ее выбор был правильным. Что предыдущая Элиза была стервой. А ты... — она замолчала, подбирая слова. — Ты не стерва. Ты... опасная. Но ты мне

нравишься.

Я выдержала ее взгляд.

— Я практичная. И у меня, как выяснилось, очень мало времени. Мне нужно выносить ребенка, сделать какую-то Усадьбу Цветов прибыльной и... не обижать твоего кузена. Так что да, возможно, я опасна. Для хаоса и неэффективности.

Елена медленно кивнула. В ее глазах читалось сложное решение.

— Хорошо, — выдохнула она. — Пока мы не доехали до дворца и пока Оливер не устроил тебе допрос с пристрастием... расскажи мне. Кто ты? И что, черт возьми, происходит?

Я глубоко вздохнула. Момент истины настал. Тест на проприетность моей новой «партнерши» начинался прямо сейчас.

И я рассказала. Все. От девичника и отчаянного «хочу по-другому» до Дмитрия, офиса и мира без единой искорки магии. Больше всего Елену, как ни странно, удивило и даже опечалило именно это.

— Как же вы живете без драконов? — с искренним сочувствием спросила она, когда наша кибитка уже подъезжала к

дворцу. — Они же... они же основа всего. Сила, мудрость, долголетие.

А меня, в свою очередь, потрясло, что в этом мире в порядке вещей были гоблины, орки, феи и прочие магические существа, о которых я читала только в книгах. Мы говорили без умолку, понизив голос до шепота и постоянно поглядывая по сторонам. Наш разговор продолжился, даже когда мы вышли из кибитки и пошли по коридорам дворца. Мы шли, разговаривали и даже шутили.

Елена, к моему восторгу, рассказала, что тайком от всех училась финансовому делу. Оказалось, здесь существовала своя, довольно развитая биржа, гильдии предпринимателей, велся сложный бухучет. И даже термины использовались почти те же самые! Но женщин в этой сфере, как и в моем мире когда-то, не жаловали. В банковском деле их почти не было, а банков, по словам Елены, было великое множество.

А еще у нас оказалось до боли знакомое, циничное чувство юмора.

— Ну, Елена, будь аккуратна, — хохоча, сказала я, заходя в свою комнату и запирая дверь. — Мои подруги очень быстро беременеют и выходят замуж. Это заразное.

— Насчет этого мне можно не переживать, — как-то печально махнула она рукой, опускаясь в кресло.

— Почему? — снимая парик и с наслаждением почесывая голову, я принялась расстегивать неудобное простое платье.

— Я считаюсь бракованной, — сказала она буднично, но, видя мое недоумение, решила пояснить. — Я драконица у которой нет вообще никакой магической силы, кроме статуса ее рода. А это означает, что скорее всего я не смогу выносить ребенка от дракона. Моя кровь слишком слаба. Поэтому желающих взять меня в жены... не находится.

— Вот так поворот, — удивилась я. Я еще очень многого не знала об этом мире. Меня в принципе удивляло, что моя Элиза была драконицей. — Удивительно... В нашем мире люди беременеют просто так, без какой-либо магической силы. Кстати, а драконицы могут превращаться в больших ящериц?

— Нет, — рассмеялась Елена. — В основном драконицы носят только силу крови. Оборачиваться в больших драконов могут лишь истинные драконы, вроде Оливера. Но у сильной крови обычно есть какой-то дар. У меня его нет. Вообще.

— Печально, — искренне выдохнула я, подходя к своему огромному гардеробу. — А у Элизы был дар?

— Да, но ее семья его скрывала. И это странно, — задумчиво сказала Елена.

— Пояснишь? — я стала перебирать платья, выбирая что-то поудобнее. Я чувствовала, что эта тема меня странно волнует.

— Они с Оливером уже где-то год вместе. И Лиза никак не могла забеременеть. Все списывали на то, что она слишком слаба физически или... или не искренна с ним. А тут ты попадаешь в ее тело и сразу беременеешь. Это очень странно.

Мысли закрутились с новой силой. Но размышления прервал зверский голод. Желудок издал звук, похожий на рев голодного кита.

— А еще странно то, что я готова съесть целую лошадь, — заявила я, оборачиваясь к Елене. — С яблоками и гарниром.

Елена улыбнулась.

— Это нормально. Дракончики требуют много энергии. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли ужин. Только, пожалуйста, — она сделала серьезное лицо, — на этот раз без рас-

сказов Оливеру о гигиеническом блевании. Думаю, он и так будет не в духе.

Как будто по зову, снаружи раздался четкий, властный стук в дверь. Знакомый и неуместно своевременный.

Елена замерла, ее глаза снова округлились. Я вздохнула. Поесть, похоже, придется позже. Сначала предстоят сложные переговоры с главным акционером.

Глава 6

Оливер зашел в комнату, даже не дождавшись, что его пригласят. Дверь отворилась с легким скрипом, и он возник на пороге, заполнив собой все пространство. Его взгляд скользнул по мне, уже без парика, в простом домашнем платье, и в нем мелькнуло что-то сложное — не злость, а скорее все то же настойчивое, неотступное любопытство.

— Так, ну, вам есть о чем поговорить, а я пойду распоряжусь по поводу приготовления для тебя лошади, — Елена выпалила это на одном дыхании и, как мышь, проскользнула мимо него в дверь, даже не взглянув в мою сторону.

Я вздохнула и проводила ее вальяжным взглядом. Предала. Мгновенно и без зазрения совести. Что ж, в этом мире, похоже, надо ко всему привыкать заново.

— Лошади? О чем она? — Оливер сначала проводил взглядом убегающую Елену, а потом повернулся ко мне, и на его красивом лице читалось неподдельное, детское удивление. Оно смотрелось на нем странно и даже немного забавно.

— Твой дракончик требует еды. Но по ощущениям — це-

лое жертвоприношение, — вздыхая, сказала я, потирая ладонью живот. Потом, резко переменив тему, с деловым энтузиазмом набросилась на него: — Так, господин дракон, а теперь ответь мне: что за бизнес у вас там, в этой Цветочной усадьбе?

— Усадьбе Цветов? — он растерянно повторил, будто я спросила о марсианской бирже. — Да там в принципе нет никакого... бизнеса. Ты про заработок денег? — Он сделал шаг вперед, и его лицо снова стало серьезным. — Элиза, я вообще зашел с тобой поговорить о другом. О сегодняшнем происшествии. О твоих...

— Давай поговорим сейчас именно об этом, — резко перебила я его.

Картинка из рассказа ведьмы стояла у меня перед глазами, жгучая и ясная: «Они уже почти спустили все твое состояние». Каждая секунда здесь, в этом мире драконов и магии, была секундой, в которую мои кровно заработанные деньги уплывали в карман того ничтожества и этой капризной дуры. Мне нужно было вернуться. А чтобы вернуться, нужно было выполнить условия — сделать Усадьбу Цветов прибыльной. Значит, это был приоритет номер один.

Оливер замер, изучая мое лицо. Он видел не каприз, а на-

стоящую, жесткую целеустремленность. И это его обезорижило сильнее любой истерики.

— Там... — он начал неуверенно, проводя рукой по своим идеальным волосам. — Там просто старый замок у моря. Сады. Тихо. Туда отправляют... отдохнуть.

— «Отдохнуть»? — я фыркнула. — Это что, убыточный актив? Бесполезная недвижимость на балансе? Так не пойдет. Ей нужно найти коммерческое применение. Сдать в аренду? Устроить элитный курорт? Выращивать и продавать эти самые цветы? У вас тут, я смотрю, с логистикой неплохо.

Он смотрел на меня так, будто я заговорила на древнем языке демонов. Его губы приоткрылись от изумления.

— Ты... ты серьезно? — наконец выдавил он. — Усадьба Цветов — это не актив, это... традиция. Место, где...

— Традиции, которые не приносят дохода, называются хобби, а хобби — это роскошь, — отрезала я. — Или ты думаешь, твои сокровища в пещере сами себя пополняют? Кто-то должен управлять финансами, оптимизировать расходы, искать новые статьи дохода.

Я сделала шаг к нему, смотря прямо в его поразительные

глаза.

— Вот о чем я хочу с тобой поговорить, Оливер. Не о том, как я блевала, и не о сбежавшем голозадом кучере. А о будущем. О твоём, моём, и этого самого дракончика. И это будущее начинается с прибыльной Усадьбы Цветов. Так что, как максимально быстро предоставь мне все данные по этому объекту: отчеты о доходах и расходах за последние пять лет, штатное расписание, кадастровые планы земель. Договорились?

Оливер молчал. Долго. Очень долго. В его глазах бушевала настоящая буря: недоумение, раздражение, и... странное, зарождающееся уважение.

— Договорились, — наконец глухо проговорил он. — Но сначала... сначала ты все-таки расскажешь мне про ведьму.

— Ну, она... она хот... хотела... — начала я мямлить, понимая, что не могу выложить ему правду о ведьме. Пока я не решила все с Усадьбой Цветов, моя позиция была слишком шаткой.

Оливер выжидающе смотрел на меня, и в его взгляде читалось растущее подозрение. Чтобы отвлечь его, я выпалила первый пришедший в голову вопрос, который действительно

меня мучил:

— Оливер, а почему у нас с тобой плохие отношения?

Вопрос явно застал его врасплох. Он откинул голову назад и коротко, беззвучно рассмеялся, но в его смехе не было веселья.

— Может быть, потому что ты постоянно мне изменяешь? — произнес он с ледяной спокойной улыбкой, в которой таилась годами копившаяся боль.

— Да ладно? — шокировано выдохнула я. Вот оно что. Значит, я все-таки попала в тело «Прости, всевышние силы» настоящей шалавы. И Казанова был не случайной прихотью, а системой.

— Элиза, ты ведешь себя очень странно, — его голос смягчился, в нем появились нотки того самого смятения, что я слышала в саду. — Я понимаю, что беременность могла сыграть в этом роль, но ты даже изъясняешься теперь по-другому. Предлагаю поехать в Усадьбу завтра. Там спокойно, и мы сможем все... обсудить.

— Нет, нет, давай сегодня! — взмолилась я, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы. Мысли о том, что где-то там,

в моем мире, два паразита транжирят мои деньги, не давали мне покоя. — Надо уже начать подсчитывать все активы! Я себя чувствую прекрасно!

— Я заметил, — медленно проговорил он, но смотрел не на мой живот, а прямо в глаза. И он двинулся ко мне. — Я просто хотел кое-что проверить.

Он приближался, и я инстинктивно попятилась, натываясь на край кровати. Я поняла, что он хочет проверить не бизнес-план и не отчеты. Он хотел проверить меня. Но в каком именно плане?

— Оливер, что ты делаешь? — мой голос прозвучал выше чем обычно. Можно сказать, что я запищала как мышка.

— Ну, мне хочется в кое-чем убедиться, — его взгляд стал более пристальным, заинтересованным, а зрачки расширились, поглощая радужку. В них снова заплескали те самые золотые искры. Он был похож на хищника, вышедшего на охоту.

Он оказался так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло и легкий, пряный запах дыма и кожи. Он медленно поднял руку, собираясь коснуться моего лица. Это была не ласка, это было изучение. Проверка гипотезы.

Мое сердце бешено заколотилось. Паника смешалась с чем-то другим, острым и запретным. Но сдаваться я не собиралась.

— Активы, Оливер! — выпалила я, отступая еще на шаг и упираясь руками в его грудь, чтобы создать дистанцию. Его мышцы были твердыми, как камень. — Сначала активы, потом... личные проверки! Таковы правила деловой этики!

Он замер, и на его губах дрогнула улыбка. Моя наглость, похоже, снова сработала.

— Деловая этика? — он повторил эти слова, словно пробуя их на вкус. — Хорошо, жена. Будет по-твоему. Сначала активы.

Но он не отошел. Он все так же стоял слишком близко, и его взгляд говорил, что этот разговор далеко не окончен. А проверка лишь отложена.

— И все-таки... — он не закончил фразу.

Вместо слов он ринулся ко мне. Его движение было стремительным и неотвратимым, как удар молнии. Прежде чем я успела что-либо сообразить, его губы впились в мои. Это

был не нежный поцелуй, а жесткий, требовательный, почти яростный. Ох какой мужчина!

И меня сорвало.

Я сама не ожидала, что так получится. Во мне все перевернулось от этого внезапного натиска — смесь гнева, страха, запретного возбуждения и дикого желания дать сдачи. Я инстинктивно вцепилась пальцами в его дорогую, тонкую рубашку, пытаясь оттолкнуть его, заставить остановиться.

И в тот же миг я почувствовала странный жар в ладонях и запах паленой ткани.

Оливер отпрянул от меня так быстро, что я едва удержалась на ногах. Мы оба в ужасе уставились на его грудь. На том месте, где секунду назад была ткань, теперь зияла дыра с обугленными краями, из-под которой виднелась идеальная, загорелая кожа. На моих ладонях тлели несколько ниток.

Я подожгла своего мужа.

В воздухе повисло ошеломленное молчание, нарушаемое лишь треском догорающих волокон. Оливер стоял, не двигаясь, его широко раскрытые глаза были прикованы к дыре на своей одежде. Потом его медленный, изумленный взгляд

поднялся на меня.

Он явно этого не ожидал. Да я и сама не ожидала.

— Ты... — он произнес это слово с придыханием, в котором смешались шок, ярость и... неподдельное восхищение?
— Ты только что... подожгла меня?

— Это была... реактивная самозащита! — выпалила я, отскакивая от него на безопасное расстояние и сдувая пепел с кончиков пальцев. — Я же говорила — сначала активы! Ты нарушил протокол!

Оливер не сводил с меня горящего взгляда. Он больше не смотрел на меня как на загадку или неожиданную помеху. Он смотрел на меня как на то, что может поджечь его чешуйчатый хвост.

— Реактивная самозащита, — медленно повторил он, и уголок его рта дрогнул в едва заметной улыбке. Он провел рукой по обугленному краю рубашки, и тление прекратилось. — Интересный термин. Никогда не слышал.

Он сделал шаг ко мне, но на этот раз не с угрозой, а с пытливым интересом.

—И это... это твой дар, Элиза? Тот самый, что твоя се-

мья так тщательно скрывала? Способность поджигать все, что вызывает у тебя сильные эмоции?

Я молчала, не зная, что сказать. Елена говорила, что у Элизы был дар. Неужели это он? Неужели мое присутствие, мои сильные, неконтролируемые эмоции разбудили в этом теле его настоящую силу? Или может быть это дракончика? Или может быть что-то мое?

— Похоже, ты , жена, куда интереснее, чем я думал, — его голос стал низким, почти ласковым. Он больше не злился. Он был очарован. — Завтра на рассвете мы выезжаем в Усадьбу Цветов. Я хочу посмотреть, на что еще способна моя... реактивная жена.

Он развернулся и вышел из комнаты, оставив меня стоять посреди покоев с тлеющими руками и одной единственной мыслью в голове: похоже, мой бизнес-план только что серьезно усложнился. В него добавился пункт «научиться контролировать пирокинез». Иначе я рискую спалить не только врагов, но и всю прибыль.

В догонку ему, уже захлопывающейся двери, я прокричала:

—Эй, а что там с лошадыю? Я не шутила про жертвоприношение!

Шаги за дверью замерли. Последовала пауза, и я услышала его голос уже из коридора, с примесью невероятного раздражения и, черт побери, опять же, какого-то веселья:

— ПРИНЕСУТ ТЕБЕ ТВОЮ КЛЯЧУ! СЪЕШЬ И УСПОКОЙСЯ!

Я осталась стоять одна посреди роскошных покоев. В воздухе все еще пахло паленой тканью, а на мои ладони показывало. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Ну вот. Отличный итог переговоров. Я подожгла контрагента, сорвала сделку по первоначальным условиям, но, кажется, заключила предварительное соглашение на новых. И все это под аккомпанемент урчащего желудка.

Через несколько минут в дверь неслышно вошли служанки, неся на огромном подносе гигантский кусок жареного мяса, от которого шел умопомрачительный аромат. Рядом лежали овощи и свежий хлеб. Похоже, это и была та самая «кляча».

«Ну что ж, — подумала я, с аппетитом набрасываясь на еду. — Начинаем с основ. Пункт первый: утолить голод. Пункт второй: не спалить случайно замок. Пункт третий:

сделать Усадьбу Цветов прибыльной. И пункт четвертый, самый сложный: разобраться с мужем-драконом, который, кажется, начинает мной всерьез интересоваться».

Жизнь бизнес-попаданки оказалась куда интереснее, чем любой корпоративный скандал. И определенно горячее. В прямом смысле этого слова.

Глава 7

После вкусного ужина, который я уплетала с аппетитом голодного зверя, меня начало неудержимо клонить в сон. Глаза сами слипались. Но милейшие служанки, словно читая мои мысли, почтительно сообщили, что сейчас наберут мне ванну.

А самое интересное, что в этой ванной при моей шикарной комнате я еще не была. Пока я сидела на краю кровати и крутила в руках свою новую, миниатюрную ножку с идеальным педикюром, разминая непривычно изящную лодыжку, они управились буквально за несколько минут. Да уж, к такому сервису я могу и привыкнуть.

Зайдя в ванную, я не смогла сдержать громкого: «Ах!», чем изрядно смутила девочек. Пришлось быстро взять себя в руки и мило им улыбнуться, жестом давая понять, что буду мыться одна. Они поклонились и вышли.

Эта ванная комната была прям как отдельная квартира-студия по размерам. Ей-богу, я в молодости снимала жилье и поменьше. Но интерьер был шикарен. Бело-золотые цвета, пол под тон бежевый, теплый и приятный под босыми

ногами. На потолке — хрустальная люстра в виде переплетения цветов и ветвей, отбрасывающая на стены радужные блики. С одной стороны — высокие окна, уже завешанные тяжелыми шторами, а с другой — огромные, от пола до потолка, зеркала в золоченых рамах.

Я быстро подошла к одному из них, наконец-то получив возможность спокойно разглядеть себя. И замерла.

Да я красotka! Не просто симпатичная, а настоящая куколка. Большие небесно-голубые глаза, длинные светлые ресницы, губы бантиком. Кожа — чистый персик без единой веснушки. Фигурка — стройная, с тонкой талией и изящными плечами. Все в ней было ухоженным, хрупким и... чужим. Но чертовски привлекательным.

«Ох, как я понимаю Оливера, — промелькнула мысль. — И его злость, и его ревность. Обладать такой внешностью и быть при этом...» Я так и не поняла до конца его отношения к Элизе. Была ли это ненависть? Равнодушие? Или все же какая-то досадная привязанность к красивой, но испорченной вещи?

Потом я повернулась к ванне. Она была огромная, почти как джакузи, высеченная из цельного куска белого мрамора с золотыми львиными головами, из пастей которых струилась

теплая вода. Она стояла прямо у окон, и, наверное, днем из нее открывался потрясающий вид.

Я скинула платье и погрузилась в горячую, ароматную воду с каким-то цветочным запахом. Тепло разлилось по телу, смывая напряжение этого безумного дня. Я закрыла глаза, прислонившись головой к прохладному мрамору.

«Завтра, — думала я, — начинается новый проект. Объект: Усадьба Цветов. Задача: сделать прибыльной. Риски: муж-дракон с непредсказуемой реакцией и собственные неконтролируемые пирокинетические способности».

Но сейчас, в этой благоухающей воде, под мягким светом хрустальной люстры, все проблемы казались решаемыми. Даже рождение дракончика.

«Главное — составить грамотный бизнес-план», — последнее, что пронеслось в голове, прежде чем я провалилась в глубокий, восстанавливающий сон прямо в ванне.

В дреме я почувствовала, как меня аккуратно передвигают в воде. Чьи-то сильные руки скользнули подо мной, поддерживая спину и колени. Я поворчала сквозь сон и поежилась, но потом, на волнах, меня приподняли и бережно положили на что-то теплое, твердое и приятно пахнущее кожей,

дымом и чем-то неуловимо мужским.

Мужским?!

Я открыла глаза. Ну, конечно. Этот драконище пришел опять и воспользовался мной спящей. Я лежала спиной на его торсе, погруженная в воду, а его руки были надежно сцеплены на моем животе, не давая мне соскользнуть. Вода доходила ему до груди, и я чувствовала каждую мышцу его пресса у себя под затылком.

Я демонстративно фыркнула, выражая протест, но шевелиться не стала — было слишком удобно.

Он тихо засмеялся, и смех его отозвался низкой вибрацией у меня в спине. Потом он наклонился ближе и сказал мне прямо в ухо, горячим шепотом, от которого по коже побежали мурашки:

— Ну, в воде ты меня не подожжешь.

— Воспользовался моей слабостью, — проворчала я, закрывая глаза, притворяясь недовольной, но внутри тая от этого странного, неожиданного проявления заботы.

— Ты храпела так, что из ванны в комнате слышно было,

— без тени смущения заявил Оливер и резко, но нежно приобнял меня крепче за плечи, прижимая к себе. — Я подумал, ты утонешь. А мне наследник нужен живым и невредимым.

— Что?! — я попыталась повернуться, чтобы возмутиться насчет храпа, но его объятия были как стальные обручи. Встать тоже не получалось. — Ах, ты противный дракон! Я не храплю!

— Храпишь, — парировал он, и я почувствовала, как его губы коснулись моего мокрого плеча. Это был легкий, почти невесомый поцелуй. — Как маленький разъяренный барсук. Очень мило.

Я замерла. Это было уже слишком. Слишком интимно, слишком по-домашнему. Слишком далеко от наших деловых переговоров и взаимных поджогов.

— Оливер... — начала я, но голос мой предательски дрогнул.

— Молчи, — он прервал меня, и в его голосе не было приказа, а была какая-то усталая, странная нежность. — Просто помолчи. Я устал сегодня. От твоих побегов, от твоих... реактивных проверок. А ты устала от... всего. Так что давай просто полежим так.

И мы лежали. Молча. В теплой, ароматной воде, под тусклым светом люстры. Он — могучий дракон, держащий на руках свою внезапно изменившуюся жену. Я — бизнес-леди из другого мира, запутавшаяся в паутине магии, беременности и чужой жизни.

И в этой тишине не было вражды. Было перемирие. Хрупкое, неловкое, но настоящее. И я, к своему удивлению, поняла, что мне это перемирие нужно не меньше, чем ему.

— Как тебе лошадь? — его голос прозвучал у меня над ухом абсолютно серьезно, почти торжественно. — Выбрал самую дорогую в моих табунах. Ее звали «Белочка». Все для тебя, дорогая.

Вода в ванне вдруг показалась ледяной.

—Что? — я взвизгнула, не веря своим ушам, и начала барахтаться в его объятиях, пытаюсь вырваться. На этот раз он легко отпустил меня, и я, обливаясь брызгами, резко повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Мне было все равно, что мы оба абсолютно голые. Он только что сказал, что ради моего ужина... — Ты... ты убил лошадь по имени Белочка?!

Представление о бедном, невинном животном, которого привели на убой из-за моего прихотливого аппетита, вызва-

ло резкую, неконтролируемую волну жалости и отвращения. Горло сжалось, а из глаз, к моему собственному ужасу, покатались крупные, горячие слезы. Я не могла их сдержать.

— Бедная лошадка... — прошептала я, чувствуя, как по щекам текут соленые струйки.

У Оливера вытянулось лицо. Его насмешливый, довольный вид мгновенно испарился, сменившись полным и абсолютным смятением. Он видел слезы Элизы — капризные, манипулятивные. Но эти слезы были другими. Искренними. Глупыми, может быть, но настоящими.

— Элиза... — он произнес мое имя тихо, растерянно. — Я пошутил.

Я замолчала, всхлипывая, и уставилась на него сквозь водяную пелену.

— Шутка отвратительная, — прохрипела я, вытирая лицо мокрой ладонью.

— Это был обыкновенный олень! — поспешно сказал он, глядя на меня так, будто я была неожиданно сложной головоломкой. — Из лесных угодий. Никаких «Белочек». Я просто... — он запнулся, впервые за сегодняшний вечер подбирая слова. — Я просто хотел посмотреть на твою реакцию.

— Ну, поздравляю, — фыркнула я, уже успокаиваясь, но все еще чувствуя ком в горле. — Реакция тебе понравилась? Мои слезы по несчастной лошади?

Он медленно покачал головой, его взгляд стал пристальным и очень серьезным.

— Нет. Не понравилась. Она была... неожиданной. Ты действительно расстроилась из-за какого-то несуществующего животного.

Он протянул руку и большим пальцем осторожно стер с моей щеки оставшуюся слезинку. Его прикосновение было на удивление нежным.

— Прости. Больше не буду.

В его глазах не было насмешки. Было то самое любопытство, смешанное с чем-то похожим на уважение. Он увидел еще один кусочек пазла под названием «новая Элиза» — не только дерзкую и расчетливую, но и способную на глупую, иррациональную жалость.

— Ладно, — вздохнула я, отодвигаясь от него и снова погружаясь в воду по плечи. — Но если твои деловые решения будут такими же ужасными, как твои шутки, нам придется провести тренинг по командообразованию.

Уголки его губ дрогнули.

— Не знаю, что это, но звучит угрожающе. Может, начнем с завтрашнего дня? А сегодня... — он откинулся на спинку ванны, глядя на потолок. — Давай сегодня просто продолжим молчать.

И мы снова замолчали. Но на этот раз тишина между нами была другой. Более легкой. Более... договорной.

Как так вышло, что я опять уснула, не знаю. Эта беременность делает из меня какого-то сонного суслика. Я даже не успеваю нормально обдумать тот факт, что во мне растет самый настоящий малышарик. Причем, если разобраться, он именно мой и Оливера. Все-таки это я его зачала в этом теле, а не настоящая Элиза. Мысли путались, уплывая вместе с сознанием.

Я во сне всхрапнула и от этого же и проснулась. Оливер как раз переносил меня на руках из ванной в спальню. Его шаги были удивительно плавными и осторожными, будто он нес хрустальную вазу.

— Не забудь меня укрыть теплым одеялком, — пробормотала я, утыкаясь носом в его мокрую от капель воды шею. Во рту был вкус сна и полной капитуляции перед усталостью.

— Конечно, укрою, — он сказал это тихо и так нежно, что это даже не укладывалось в образ властного дракона. Он бережно уложил меня на огромную кровать и действительно натянул до подбородка невероятно мягкое и теплое одеяло.

И тогда, уже почти погружаясь в объятия Морфея, я услышала его вопрос, заданный задумчивым, пробуящим тоном:

—И... женушка, ты завтра, может, полетишь на мне? Ты это так любила. Заодно осмотрим с высоты твои «активы».

Вопрос повис в воздухе. Мой спящий мозг, еще помнивший ощущение полета с балкона, откликнулся первым, что пришло в голову.

—Люблю? — промычала я, уткнувшись лицом в подушку. — Ну, да, конечно... летаем...

И я провалилась в сон, даже не заметив, как на лице Оливера, склонившегося надо мной, застыло выражение полного и абсолютного изумления.

Он долго смотрел на спящую жену, которая только что, сквозь сон, заявила, что любит то, чего панически боялась всю свою жизнь.

«Кто ж знал, — могла бы я подумать, окажись в сознании,

— что настоящая Элиза оказывается до дрожи боялась высоты...»

А Оливер знал. И теперь он стоял в полной тишине спальни, пытаясь разгадать самую сложную загадку, которая когда-либо попадалась ему на пути.

Глава 8

Ночь я спала очень сладко. Мне казалось, что кто-то очень жаркий пыхтел мне прямо дымом в висок, но сон был такой глубокий и удивительно успокаивающий. В один момент мне даже стало настолько жарко, что я думая, что это одеяло, решила отпихнуть его ногами и отворочаться. Но сквозь дрему я услышала низкий, недовольный рык, и будто две большие, теплые руки притянули меня обратно, прижав к чему-то очень твердому и горячему сильнее, чем было. И кто-то опять пыхнул жаром мне уже в щеку, а потом слегка, почти игриво прикусил за шею. «Приснитися же», — мелькнула последняя мысль, прежде чем я снова провалилась в глубокий сон.

Утром я проснулась от дикой тошноты. Но перед тем, как мой желудок успел поднять бунт, ко мне ворвалась служанка и с бодрым лицом начала распахивать тяжелые занавески, которые были наглухо зашторены. Я застонала, зажмурившись от ослепительных лучей, параллельно нащупывая, что я в тонкой ночнушке на бретельках. Кто меня в нее одел и когда?

— Госпожа Элиза, господин Оливер просил вас просы-

паться, так как вам пора есть здоровый завтрак и отправляться в Усадьбу Цветов! — возвестила она жизнерадостным голоском, от которого у меня заныл висок.

Но, будто мне было мало этого утреннего счастья, следом за ней в комнату, словно ураган, влетела Елена, таща на подносе целую гору сладких булочек, глазированных фруктов и чего-то, отдаленно напоминающего круассаны.

— Не слушай ее! Я принесла тебе настоящий завтрак! То, что нужно будущей матери! — объявила она, и в воздухе повис сладкий, пудровый аромат.

Ее слова еще висели в воздухе, как в дверях возник Оливер. В его руках был другой поднос, ломящийся от всего, что когда-то бегало, прыгало и мычало: сочные стейки, запеченная дичь, колбасы. Запах жареного мяса ударил в нос, как молот.

— Сладости — это баловство, — его бархатный голос прозвучал властно. Он шагнул в комнату. — Ей нужен белок. Сила. — Он бросил вызывающий взгляд на Елену.

— А настроение? А радость? — парировала она, поднимая свой поднос выше. — После вчерашнего ей нужны эндорфины, а не кусок туши!

— Моя жена будет есть то, что даст ей сил выносить моего сына!

— Твою жену сейчас вырвет от одного взгляда на твой кровавый пир!

Они стояли друг напротив друга, словно два рыцаря перед турниром, только вместо копий в их руках были подносы с едой. Воздух в комнате гудел от смешения запахов — при-торно-сладкого и тяжело-мясного.

Я же, сидя на кровати, пыталась дышать ртом. Волна тошноты накатывала с неумолимой силой. Мой желудок, разрываемый между двумя гастрономическими крайностями, решил, что ему не нужна ни одна из них.

Я вдохнула полной грудью, и это была ошибка. Ароматы смешались в моем носу в одну удушливую, отвратительную какофонию.

Резко приложив ладонь к губам, я, будто спасаясь от роя разъяренных пчёл, ломанулась с кровати и пулей понеслась в сторону ванной.

Краем глаза я успела заметить, как все три пары глаз — служанки, Елены и Оливера — уставились на меня с иден-

тичным выражением шока. Их лица вытянулись, а споры о правильном завтраке замерли на полуслове.

Дверь в ванную захлопнулась за мной с оглушительным стуком, заглушив звук моего торжествующего желудка, наконец-то получившего долгожданную разрядку. Похоже, драконий наследник имел очень четкие и независимые взгляды на утренний рацион.

Благо, в этом мире у них были обалденные не только ванны, но и сами туалеты. Они были похожи на наши, техногенные, но работали явно на какой-то магии — бесшумно и идеально чисто. Искренне не понимала, что со мной происходит. Ведь я даже не успела позавтракать, почему же я показала этому торжеству магической сантехники всё, что было в моем желудке? Если так будет продолжаться всю беременность, я просто кончусь. Грудную клетку ломило от спазмов, и в этот момент я чувствовала себя глубоко, по-настоящему несчастной.

Не закрывая унитаза (если эту штуку можно было так называть), я положила руки на холодный порожек, а на них — раскаленный, влажный от пота лоб. Я почувствовала себя так, будто только что отзанималась в зале с качками-профессионалами. Сил не было вообще. И мне до ужаса не хотелось, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии, но одновременно, где-то глубоко внутри, жутко хотелось, чтобы меня про-

сто пожалели.

Сначала я услышала, как в спальне кто-то начал пререкаться на повышенных тонах, а потом эти два голоса, понизившись до шепота, проникли ко мне в ванную. Спасибо им хоть за то, что ругались шепотом.

— Это ты во всем виновата со своим мясом! — шипела Елена.

— Это всё твоя сладкая глазурь! — парировал Оливер, и в его шепоте слышалось рычание. — Ее от одного запаха тошнит!

Я не выдержала. Подняла голову и, не оборачиваясь, прохрипела в сторону двери:

— Прекратите пререкаться. Мы должны быть одной командой. Команда «Не доводи беременную дракониху до рвоты».

И, еле-еле переставляя ватные ноги, я поплела к умывальнику. Сил слушать их оправдания не было. Я умылась и прополоскала рот ледяной водой, которая показалась божественным нектаром, и, глубоко вздохнув, повернулась к ним.

Они стояли в дверном проеме, словно два провинившихся школьника. Оба выглядели виноватыми. В глазах Елены

читалось искреннее раскаяние и сочувствие. А во взгляде Оливера... у него было то же самое, но приправленное каким-то щенячьим, растерянным обожанием. Он смотрел на меня, бледную, с мокрыми прядями волос на лбу, как на самое хрупкое и драгоценное существо в мире.

«Господи, — промелькнула у меня в голове усталая мысль, — вот этого мне еще не хватало. Дракон с взглядом влюбленного ньюфаундленда».

— Ладно, — выдохнула я, опираясь о раковину. — Давайте по порядку. Командное решение. Никаких резких запахов. Ни мяса, ни сладостей. Просто... простая каша. Или сухарик. Что-то нейтральное. Понятно?

Они оба закивали с такой готовностью, будто от этого зависела судьба королевства.

— И... — я посмотрела прямо на Оливера. — Ты обещал полет. Держи слово. Только после того, как я приду в себя. Свежий воздух, возможно, поможет.

На его лице расцвела такая ослепительная улыбка, что в комнате будто стало светлее. В этот момент он был похож не на могущественного повелителя, а на мальчишку, получившего вожделенный подарок.

— Конечно, — тут же согласился он. — Все, что захочешь.

Елена резко дёрнулась, словно её ударило током. Потом крикнула, будто подавилась собственным языком, и наконец побледнела так, что её кожа приобрела сероватый оттенок.

— Что, Лена? — спросила я, используя нашу новую, короткую версию ее имени.

— Ни-ничего, — выдавила она, избегая моего взгляда. — Попозже поговорим. — Потом она резко повернулась к Оливеру, пытаясь взять ситуацию под контроль. — Распорядишься, чтобы ей сделали кашу? Я ей помогу собраться, переодеться и...

— Конечно, — медленно проговорил Оливер, и его голос прозвучал как обледеневшая сталь. Его взгляд скользнул с ее бледного лица на мое растерянное. А после он вышел, оставив за собой напряженную тишину.

Как только дверь закрылась, Елена схватила меня за запястье.

— Я не поняла, о чем вы сейчас... про какой полёт вы говорили? — начала она быстро шептать, ее глаза были полны

неподдельной тревоги.

Я открыла рот, чтобы ответить, но...

— А, хотя... — громогласно, почти весело раздалось от двери, которая снова распахнулась. — Пожалуй, в этом я помогу своей супруге. А ты, Елена, пойди и лично распорядись по поводу завтрака! Уверен, никто не справится с этим лучше тебя.

Оливер стоял на пороге, опершись о косяк, и смотрел на Елену таким взглядом — спокойным, но показывающим что споров на эту тему он не приемлет. В его позе читалась не просто просьба, а приказ хозяина дома. У Елены просто не было выбора.

Она сглотнула, кивнула один раз, коротко и резко, и, бросив на меня последний многозначительный взгляд, почти выбежала из комнаты.

Оливер проводил ее взглядом, а потом медленно повернулся ко мне. Его лицо снова стало загадочным.

— Ну что, жена, — произнес он, делая шаг внутрь. — Готовься к полету. И... приготовься ответить на один простой вопрос. Почему моя кузина, узнав о твоём желании полетать,

выглядела так, будто увидела, как ходят по воде?

— Без понятия, муж, — передразнила я Оливера. Ей-богу, их утренние склоки доведут меня до еще одного приступа тошноты. — Ну что, раз вызвался помогать — помогай. Что мне надо взять с собой из гардероба?

— Да в принципе ничего, — пожал плечами Оливер. Он выглядел странно, я бы даже сказала, как-то загадочно, будто задумал какую-то свою игру. Руки он положил в карманы брюк и раскачивался с пяток на носочки, словно затеявая пакость. — Твой гардероб для Усадьбы Цветов давным-давно был отшит и отправлен туда.

— Оливер, почему моя интуиция кричит, что ты что-то задумал? Не хочешь поделиться? — начала я менторским тоном, который обычно ставил на место менеджеров.

Оливер начал улыбаться. Очень широко. Так, что на его скулах появились ямочки.

— В последнее время ты очень интересно разговариваешь.

— И? — подняла я бровь.

— Никаких «и». Мне это нравится. — Его улыбка стала мягче, но глаза оставались невероятно серьезными. — Мне

кажется, я начинаю как-то... влюбляться в тебя.

Я открыла рот, но поняла, что не знаю, что сказать. Это что, признание в зарождающейся любви? Но я же собираюсь домой, после выполнения всех требований ведьмы! Мой план не включал в себя влюбленного дракона!

Я не успела ему ничего ответить, потому что с огромным грохотом в комнату ввалилась Елена, неся тарелку с дымящейся кашей.

— Я ничего не пропустила? — запыхавшись, выпалила она, чем вызвала мгновенное негодование Оливера. Он твердым шагом подошел к ней, забрал тарелку с кашей и ложкой. Они буквально испепеляли друг друга взглядами. Я же, довольная нейтральным запахом, просто забрала тарелочку у Оливера и устроилась в ближайшем кресле. Кашу я «стоčila» с такой скоростью, что, кажется, облизала бы и саму тарелку, будь это прилично. Лена и Оливер смотрели на это представление, явно умиляясь.

Ну а после Оливер, не отрывая взгляда от Елены, вытолкнул ее за дверь, громко позвал служанок, и те помогли мне переодеться. Одежда оказалась странной. Будто для гонок на ветру. Никаких платьев. Это были плотные кожаные штаны, куртка, под которую надели толстую рубашку, и высокие ко-

жанные ботфорты. На всей одежде были специальные ремешки и застёжки. Было полное ощущение, что меня готовят к полету на гоночном мотоцикле ну или каким-то диким плотским утехам с плетками. Мне даже выдали плотные кожаные перчатки.

Когда мы вышли во двор, я увидела Елену, несущуюся ко мне. Она тоже переоделась в походный костюм, но более изящный. Она схватила меня за руку и с испуганными глазами прошипела:

— Ты одета так, будто сейчас полетишь верхом на драконе!

— Но, насколько я поняла, да. Вроде как я что-то подобное обещала Оливеру.

Елена побледнела так, что ее кожа опять стала мертвенно-пепельной.

— Но настоящая Элиза ненавидела ездить верхом на драконах! И она до обмороков боялась высоты! Недоразумение, а не драконица,— ее шепот был полон настоящего ужаса.

О-хо-хо. Кажется, я пообещала Оливеру то, чего его настоящая жена никогда бы не сделала. Провал.

— Ну что, любовь моя, ты готова? — прогремел над нами голос Оливера, полный ожидания и торжества.

И тогда на каменную площадку перед дворцом с оглушительным грохотом, от которого задрожала земля, приземлилось нечто. Огромное. Мощное. Чешуйчатое.

Это был огромный, величественный золотой дракон с шоколадно-коричневыми полосами вдоль спины и могучими крыльями, сложенными за спиной. Его глаза, того же пронзительного изумрудного оттенка, что и у Оливера, смотрели прямо на меня.

Мамочки...

Я стояла, не в силах пошевелиться, смотря на это воплощение мифической мощи. И единственной мыслью, пронесшейся в моей голове, была: " И все-таки зря мне не выдали плетку. "

Глава 9

Я застыла на месте, глядя на чешуйчатую гору мышц и мощи, которая была моим мужем. Дракон склонил свою огромную голову, и в его огромных, умных глазах читалось явное ожидание и... шаловливый огонек.

«Мамочки, — снова пронеслось у меня в голове. — Он и в этой форме умудряется выглядеть загадочным и придумывающим пакости».

— Ну? — раздался в моей голове низкий, бархатный голос, тот самый, но с легким эхом, будто звучащий в огромном зале. — Я жду.

Телепатия. Отлично. Еще одна вещь, к которой мне следовало бы привыкнуть.

Я сделала шаг назад, нарочито потирая виски.

— Знаешь, дорогой, я тут подумала... У меня голова кружится. Токсикоз, понимаешь? Не уверена, что полет — это лучшая идея. Может, осмотрим активы пешком? Более... приземленно?

Дракон фыркнул, и из его ноздрей вырвалось два клуба теплого дыма, пахнувшего корицей и дубом.

«Безопаснее, чем карета, мой свет. Ни ухабов, ни тряски. Один лишь гладкий воздух. Идеально для нежного состояния».

— Воздух! — всплеснула я руками, ловя себя на мысли, что веду переговоры с мифологическим существом. — Он же... холодный! Я могу простудиться! Тебе же нужна здоровая мать твоему наследнику?

Золотая голова склонилась набок.

«Я дышу огнем. Я буду греть тебя всю дорогу. Ты будешь как в колыбели у самого жаркого камина».

Черт. Он продумал это.

— Но... но высота! — почти взвыла я, в отчаянии хватаясь за последний разумный аргумент. — Это же... неестественно для беременной! Стресс!

В его драконьих глазах вспыхнула такая откровенная усмешка, что ее нельзя было не заметить даже на звериной морде.

«Стресс? — мысленный голос прозвучал сладко. — От полета на собственном муже? На самом безопасном и надежном транспорте во всем королевстве? Это не стресс, радость

моя. Это... терапия. Я прочёл это в одном манускрипте. Полет успокаивает нервы будущей матери. И не забывай, что ты драконица, а он -дракончик».

Он врал. Он врал с таким невозмутимым видом, что мне захотелось шлепнуть его по носу, но я боялась обжечься.

— А если мне станет плохо? — прошептала я в последней попытке, глядя на него умоляюще. — В прямом смысле. Ты же не хочешь, чтобы я... испачкала твою красивую чешую?

Оливер издал звук, похожий на раскатистое урчание огромного кота.

«Не беспокойся. У меня отличная реакция. Я успею от-вернуть голову».

Он сделал шаг вперед, и его крыло опустилось к моим ногам, образуя покатый мост на его спину.

«Все отговорки исчерпаны, жена. Ты сама этого хотела. Помнишь? «Люблю... конечно...» — он мысленно процитировал мои вчерашние, сонные слова. — Время исполнять обещанное».

Я обреченно вздохнула. Он поймал меня на слове. Игра была проиграна. Сжав зубы, я ступила на его теплое, твердое крыло.

«Ладно, — подумала я, карабкаясь на спину к хозяину магического корпоративного конгломерата. — Но если я упаду, мой призрак будет каждую ночь являться тебе с докладом о неоптимизированных расходах».

Сзади я услышала приглушенный смешок Елены. Обернувшись, я увидела, как она, пряча улыбку, залезает на спину к другому, меньшему дракону цвета темной бронзы — своему собственному. Интересно, кто этот дракон?

Оливер обернул шею, чтобы посмотреть на меня, и в его глазах читался чистый, ничем не разбавленный триумф.

«Готова? Держись крепче».

И прежде чем я успела найти новую, еще более нелепую отговорку, мир подо мной рухнул, сменившись головокружительной свободой падения, а затем — мощным, упругим взмахом крыльев, вознесшим нас в небо.

На секунду у меня перехватило дыхание, и живот ушел в пятки от стремительного падения. Я вжалась в чешую, готовясь к худшему, но...

Но вместо падения был мощнейший, упругий взмах крыльев, который выбросил нас вверх, как катапульта. Ветер, ко-

торый я боялась, оказался не холодным и колючим, а бархатым, упругим потоком, обтекающим меня. Он не свистел в ушах — он пел. Громоподобный, но мелодичный гул.

И вот мы парили.

Я осторожно приподняла голову, все еще вцепившись в чешую мертвой хваткой. И замерла.

Под нами дворец и город были игрушечными, вырезанными из сахарной пудры и малахита. Река блестела, как расплавленное серебро, а леса казались бархатными зелеными подушками. Облака плыли рядом, и я протянула руку в перчатке, чтобы коснуться одного — прохладная, влажная дымка обвила пальцы.

И тут это случилось.

Сначала это был сдавленный смешок, вырвавшийся вопреки моей воле. Потом — еще один. А потом я уже не могла сдерживаться. Я залилась счастливым, безудержным смехом, в котором растворялись все страхи, вся тошнота и все деловые планы.

— ААААА! — взвизгнула я от восторга, не в силах сдержать эмоций, когда Оливер сделал крутой вираж, и весь мир

плавно перевернулся под нами. — ОЛИВЕР, ЭТО ПОТРЯСАЮЩЕ!

Я не боялась. Я чувствовала себя птицей. Богиней. Хозяйкой неба. Я расправила руки, впуская ветер в объятия, и залиристо смеялась, кричала от радости, как ребенок на самой лучшей в мире карусели. Я прижалась щекой к его горячей чешуе, чувствуя, как под ней играют мощные мышцы, и это было самое безопасное и самое захватывающее место во всех мирах.

И в этот миг абсолютного, чистого счастья что-то щелкнуло внутри. Что-то теплое и колючее, что-то большее, чем благодарность за этот полет. Это было острое, болезненное осознание того, что существо, несущее меня, — не просто «транспорт» или «бизнес-партнер». Это был Оливер. Сильный, терпеливый, заботливый, играющий с моими отговорками и дарующий мне эту свободу.

«Нет, — тут же отрезала я сама себя, прижимаясь к нему еще сильнее, будто пытаюсь спрятаться от этой мысли в его тепле. — Это просто гормоны. Эйфория от полета. Я возвращаюсь домой. Возвращаюсь».

А Оливер... Оливер слушал. Он слышал ее счастливые визги, ее смех, лишенный всякой жеманности и страха. Он

чувствовал, как она прижимается к нему не в ужасе, а в порыве восторга. И в его сердце, в его древней драконьей душе, окончательно и бесповоротно сложилась картинка.

Его жена, та самая, что падала в обморок от вида с балкона, что ненавидела малейший намек на опасность, сейчас смеялась в небе, доверяя ему свою жизнь и жизнь их ребенка без тени сомнения.

Это была не Элиза.

Мысль была не пугающей, а... освобождающей. Той, что ставила все на свои места. Он не понимал, кто она и как это произошло. Но он знал, что та, прежняя, исчезла. А эта... эта была настоящей. И он летел с ней, слушая ее смех, и чувствовал, как в его собственной груди разливается странное, новое, всепоглощающее чувство. Чувство, ради которого он был готов сжечь дотла целые королевства.

Но вслух он сказал лишь одно, и его мысленный голос прозвучал мягко, как шелест крыльев:

«Я знал, что тебе понравится. Держись крепче. Сейчас будет кое-что поинтереснее».

И он ринулся в пике к облакам, чтобы снова услышать ее

счастливый, испуганно-восторженный крик. Крик той, кого он решил сделать своей по-настоящему.

Глава 10

Мы летели над невероятно красивыми местами. Не просто дикими пейзажами, а обжитыми, процветающими. Изумрудные долины с аккуратными полями, ухоженные дороги, по которым катили дилижансы, запряженные существами, похожими на гигантских лис.

Иногда Оливер, будто чувствуя мой жадный интерес, слегка снижался, и я с восторгом разглядывала уютные деревеньки с будто пряничными домиками или роскошные сады, окружавшие поместья знати. Но больше всего меня заинтересовали странные постройки, похожие на фабрики. Из высоких труб не валил черный дым, вместо этого над ними колыхались переливающиеся всеми цветами радуги магические дымы, а сами здания светились изнутри мягким голубым светом. Здесь явно было налажено производство, и работало оно на чем-то волшебном. Мой внутренний менеджер ликовал и тут же начал строить догадки о КПД, логистике и себестоимости продукции.

Я так увлеклась, так жаждала поскорее увидеть и «проаудировать» активы Усадьбы Цветов, что, видимо, переволновалась. Или просто пришло время. Мой желудок, до это-

го ведший себя прилично, вдруг издал оглушительный, протяжный рык, похожий на заведенный трактор.

Я смущенно прижала ладонь к животу, надеясь, что в гуле ветра и шуме крыльев Оливер ничего не услышит.

«Здесь по пути обалденная харчевня. Давай перекусим?» — его бархатный мысленный голос прозвучал как раз в тот момент, когда мой желудок издал новое, жалобное урчание.

Ух, и слух у этого дракона. Не скроешь.

«Елена и Алекс полетят дальше, подготовят все для нашего прибытия», — снова прошумело у меня в голове, и я увидела, как дракон-телохранитель Елены с глухим взмахом крыльев ускорился и стал удаляться от нас.

Мы пошли на плавное снижение, направляясь к одиноко стоявшей у дороги большой таверне с уютно дымящейся трубой. Я уже предвкушала, как расторгну этот контракт с чувством голода, и даже мысленно составляла заказ. И впервые за этот безумный день подумала, что быть беременной женой дракона, который угадывает твои желания еще до того, как ты их озвучила, — это не так уж и плохо. Возможно, даже... приятно.

Мы приземлились на опушке, в паре минут ходьбы от таверны. Оливер, уже снова в своей излюбленной человеческой форме, лишь поправил рукав рубашки, как будто только что вышел из экипажа, а не с небес. Я все еще чувствовала легкое головокружение от полета и переполнявшую меня энергию.

Таверна оказалась именно такой, какой я ее и представляла — простой, но невероятно уютной. Двухэтажное здание из темного, почерневшего от времени бруса, с резными ставнями. Из трубы вился дымок, пахнувший дровами и чем-то жареным. Внутри пахло еще лучше — тушеным мясом, свежим хлебом и пряными травами.

Мы зашли внутрь, и я на секунду замерла, ожидая, что все застынут, замороженные видом Оливера, а на меня посыплются косые взгляды. Но ничего подобного. Никто даже бровью не повел. В углу пара гномов что-то жаростно обсуждала над кружками пива, у камина путник в плаще доедал похлебку, а пара молодых людей просто смеялась, делясь пирогом. Никакого трепета, никакого страха. Как будто зашел их старый добрый сосед.

— Садись, радость моя, где хочешь, — Оливер мягко подтолкнул меня к свободному столику у окна, с видом на проселочную дорогу.

Едва мы устроились, к нам подбежала, в прямом смысле слова, самая милая женщина, какую я только видела. Пышная, румяная, с добрыми лучиками вокруг глаз и шикарной грудой темных волос, убранных под платок. На ее фартуке были следы муки, а на лице — широкая, радушная улыбка.

— Оливер! Давно не заглядывал! — воскликнула она, будто это был ее давний приятель. Ее взгляд скользнул по мне, но в нем не было ни капли подобострастия, лишь теплое любопытство. — И кого это ты привел? Какая красавица!

— Мари, это моя жена, Элиза, — представил Оливер, и в его голосе звучала неподдельная нежность. — Элиза, это Мари, душа этого места и лучший повар на сто миль вокруг.

— Ой, не смущай меня. Очень рада, что ты наконец -то привел леди Элизу, — замахала на него руками Мари, но глаза ее сияли от комплимента. — Что вам принести? Наверное, с дороги проголодались.

— Принеси нам всего, что сегодня есть самого вкусно-го, — распорядился Оливер, не глядя в меню, которого тут, впрочем, и не было. — Тушеную дичь, твой знаменитый паштет, жареные овощи с травами, свежего хлеба с маслом, сырную тарелку... и тот ягодный пирог, от которого в про-

шлый раз я чуть не расплакался от счастья.

Мари рассмеялась.

— Всего? Так я тебе всю кухню принесу! Для леди, может, что-то полегче? — она внимательно посмотрела на меня.

— Нет-нет, — поспешно сказала я, чувствуя, как у меня снова слюнки текут. — Всего. Именно всего. Пожалуйста.

Пока мы ждали заказ, я разглядывала зал. На стенах висели медные кружки и засушенные пучки трав. Где-то на втором этаже кто-то наигрывал простенькую, но веселую мелодию на флейте. Было шумно, уютно и по-простому. Никаких позолот и вычурности дворца. Очень уютное место.

— Нравится? — тихо спросил Оливер, следя за моим взглядом.

— Очень, — честно ответила я. — Здесь... уютно.

— Я знал, что тебе понравится, — он улыбнулся, и в его глазах плясали золотые искорки. — Мари держит это место уже лет сорок. Ее пироги — единственная причина, по которой я иногда терплю соседство с некоторыми горными кланами. Их представители обычно останавливаются тут.

Вскоре Мари и правда принесла нам «всю кухню». Стол ломился от мисок, тарелок и блюд. Все было простым, душистым и невероятно вкусным. Я ела, как сурок, готовящийся к спячке, а Оливер с удовольствием наблюдал за мной, лишь изредка делая глоток темного эля.

Мы говорили о пустяках. О том, как красиво с высоты выглядели стада белых овец. О смешной шляпе одного из гномов. О том, как я впервые попробовала местный эль и скривилась от его горечи, чем насмешила его до слез.

В этот момент, с набитым ртом и счастливым сердцем, я поймала себя на мысли, что все это — полет, эта скромная таверна, эта простая еда и его спокойный, теплый взгляд через стол — было в тысячу раз ценнее любого моего слияния компаний или квартального отчета. И это осознание было одновременно пугающим и ошеломительно прекрасным.

Закончив все свои важные дела в таверне (а важным делом было уничтожить не менее трех четвертей от всего, что принесла Мари), мы вышли, прошлись немного до поляны и снова взмыли в небо. Сытость, теплый воздух и мерный, убаюкивающий гул крыльев Оливера сделали свое дело. Меня начало неудержимо клонить в сон, глаза слипались сами по собой.

«Ты можешь поспать, я буду аккуратен. Ты не упадешь», — прозвучал в голове его спокойный, уверенный голос.

Я что-то промычала в ответ, уже наполовину во сне, но один вопрос все же вертелся на языке.

— А кто следил за Усадьбой все это время? — спросила я, зевая во весь рот.

«Джоз. Из благородной семьи Цветочков. Владельцы — мы, но он приставлен как смотрящий за этими землями и усадьбой».

— Цветочков? — усмехнулась я, прижимаясь щекой к его горячей чешуе. Какое милое и абсолютно не грозное имя для управляющего имением дракона.

«Удивлен, что ты спрашиваешь об этом. Вы же знакомы», — его мысленный голос прозвучал с легкой, испытующей ноткой.

Внутри у меня все екнуло. Ловушка.

— Да, просто... беременность и гормоны на голову действуют. Забыла, — быстро соврала я, стараясь вжаться в его спину еще сильнее, будто это могло меня спасти.

К моему облегчению, он не стал допытываться. Сладкий

сон окончательно сморил меня, и я провалилась в глубокий, безмятежный отдых, где не было ни драконов, ни провалившихся проектов, ни чужого тела.

Проснувшись я от того, что мы плавно шли на снижение. Вокруг была непроглядная темнота, лишь слабый свет звезд и луны выхватывал из мрака очертания деревьев. Я проморгалась, сонно вытерла слюнки с подбородка и села, пытаюсь сориентироваться. Мы явно были где-то на большой поляне в саду. В воздухе витал густой, пьянящий аромат ночных цветов.

Из темноты к нам выплыла Елена, неся в руке какой-то светящийся шарик, который мягко освещал ее путь и отбрасывал длинные, пляшущие тени.

— Вы почему так долго? — заворчала она, подходя ближе.
— Я уже думала, вы в болоте сели и не можете выбраться.

Оливер крылом помог мне спуститься на траву, а потом быстро сам стал человеком.

— Элиза так сладко спала, что я решил полетать вокруг, — ответил он, и в его голосе слышалась улыбка. Потом его тон сменился на деловой. — А почему так темно, Елена? Что с освещением? Его нигде нет.

Елена вздохнула и с раздражением ткнула светящимся шариком в сторону, где в темноте угадывались контуры большого здания — Усадьбы Цветов.

— Управляющий сказал, что нет денег на освещение усадьбы и ее окрестностей. Сказал, что бюджет исчерпан.

В воздухе повисла резкая, почти осязаемая пауза.

— Понятно... — медленно проговорил Оливер, и в этих двух словах прозвучала такая стальная, ледяная жесткость, что мне стало холодно, несмотря на теплую ночь. Его взгляд был устремлен в темноту, на невидимый замок, но я знала — он видел там не отсутствие света, а лицо некоего Джоза из семьи Цветочков.

И в этот момент мое материнское беспокойство о будущем ребенке и личная заинтересованность в успехе проекта слились воедино с его гневом. Где-то там, в темноте, сидел человек, который посмел оставить в темноте землю, где должен был расти его наследник. И мой будущий источник дохода.

«Ну, мистер Цветочек, — подумала я, глядя в ту же сторону, что и Оливер. — Готовь свои отчеты. Аудит начинается.»

— Елена, проводи мою пусяндирию в нашу комнату. Я сле-
таю по делам и вернусь. Меня не жди, ложись спать.

И он, словно молния, подошел ко мне, чмокнул в щеку с
таким звуком, что эхо разнеслось по всему саду, превратил-
ся в дракона и взмыл в небо. Мы с Еленой стояли и молча
смотрели ему вслед, наши рты были открыты от изумления.

— Пусяндирия? — наконец прошипела Лена, медленно по-
ворачиваясь ко мне. Ее глаза сузились до щелочек. — Ты что
с ним в полете сделала, ведьма? Колдовство какое-то приме-
нила?

— Да я сама в ступоре! — выдохнула я, все еще чувствуя
на щеке жгучее прикосновение его губ. — Он с ума сошел!

— Да уж, пища для размышлений, — Елена покачала
головой, но в ее глазах читалось скорее любопытство, чем
осуждение. — И, к слову, у вас с ним не одна комната. У тебя
свои апартаменты. Я сама в ступоре, почему он так сказал.

И тут она достала из кармана еще один маленький мато-
вый шарик, встряхнула его, и он с тихим шелестом раздулся,
заливая пространство вокруг нас мягким светом.

— Эльз, дойди сама до усадьбы. Тут просто прямо идти, не потеряешься. Мне тоже по делам надо.

И прежде чем я успела возразить, она развернулась и почти побежала прочь, оставив меня одну с светящимся шариком и ошарашенным лицом на темной поляне.

Меня все бросили. Нормально. Ну ладно, «прямо так прямо». Вдохнув, я направилась туда, куда показывала Лена. Свет шарика выхватывал из мрака края каменной дорожки, ведущей к большому зданию. Ощущения были как в дешевом фильме ужасов: темнота, тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев, и полное отсутствие признаков жизни. Странно, хоть бы прислуга где была.

Я увидела очертания дома — это был скорее огромный, роскошный особняк, чем замок. Воздух, как я почувствовала еще при полете, отдавал соленым вкусом моря, и в отдалении действительно слышался глухой рокот волн.

Я осторожно поднялась по широким каменным ступеням и нашла массивную дверь. Она была не заперта. Тихо толкнув ее, я решила на первом этаже поискать кого-нибудь из прислуги, чтобы узнать, где моя спальня.

Но не успела я сделать и двух шагов в просторном, тем-

ном холле, как из ниши за дверью метнулась тень. Сильные, властные руки грубо схватили меня и прижали к холодной стене. Грубые, настойчивые губы впились в мои, пытаясь вырвать ответный поцелуй.

«Так, а это еще кто?» — пронеслось в голове, и я уже собралась вlepить новому захватчику коленом или локтем, как вдруг...

Он сам оторвался от меня, тяжело дыша. В свете моего упавшего на пол шарика я увидела мужчину. Молодого, довольно красивого, с темными волосами и горящими фанатичным огнем глазами.

— Ты почему так долго, Элиза? Я жду тебя не дождусь! — прошептал он страстно, все еще не выпуская моих рук. — Еще и на этом зазнайке прилетела! Ну что, ты его облапошила? Ты ходила к той ведьме, которую я тебе порекомендовал? Наш план в действии? Пойдем ко мне, я соскучился по тебе!

И он снова рывком потянул меня за собой, вглубь темного особняка.

"Ох ты ж блиин... Ну, Элиза... — мысленно простонала я, спотыкаясь за ним. — Ну, ты и оставила мне «интересное» наследство. Не только дракона-мужа, но и тайного любовни-

ка-заговорщика в придачу."

Похоже, мой бизнес-план по спасению Усадьбы Цветов только что обзавелся новым, крайне неприятным пунктом: «Разобраться с назойливым акционером по имени Джоз Цветочков, который, судя по всему, и есть тот самый «смотрящий», у которого «нет денег на освещение».

Глава 11

— Так, стоп, стоп, стоп, стоп, стоп! — засуетилась я, аккуратно, но настойчиво выдергивая свою руку из его цепких объятий. Мне нужно было выиграть время и понять, что за «план» у них был. — Ты не хочешь мне ничего сказать? — решила я выуживать информацию общими фразами, делая вид, что жду от него отчета.

— О чем, дорогая моя Элизочка? — он снова попытался притянуть меня к себе, и я почувствовала, как его бедра уперлись в меня. Ох, ничего себе, что у него там такое... То, что это Джоз, я уже прекрасно поняла. — Ты как-то себя странно ведешь. Не так страстно, как обычно.

От этих слов по коже побежали мурашки. «Как обычно»... Значит, такие встречи в темноте были нормой.

— Слушай, я так устала с дороги, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал утомленно и плаксиво, а не раздраженно. — Проводи меня в мою комнату, пожалуйста. Мы поговорим с тобой завтра утром. — Я окончательно вывернула свои руки и все тело из его объятий, отступив на шаг. Мой тон стал жестким и не терпящим возражений.

Он, конечно, был красив в этой полутьме — высокий, статный, с правильными чертами лица. И голос у него был низкий, бархатный, умеющий быть убедительным. Но его запах... хоть и приятный, какой-то сладковато-пряный, почему-то отвращал меня на физическом уровне, заставляя внутренне съеживаться. То ли дело Оливер... От его запаха дыма, кожи и чего-то дикого, первозданного, становилось тепло и спокойно. При мысли о нем я невольно вздохнула.

Джоз, видимо, понял этот вздох совершенно неправильно. Его лицо озарилось торжествующей улыбкой, он снова схватил меня за руку и потащил вглубь темного коридора.

— Ну раз хотела к себе, почему сразу не сказала? Идем, моя милая! В твоих покоях нам никто не помешает!

— Да ты меня опять неправильно понял! — уже почти крикнула я, упираясь ногами в каменный пол. — Я хочу спать! Я просто хочу спать одна в своей постели!

Он замер, и его лицо исказилось от обиды и непонимания. Видимо, отказ «Элизочки» был для него в новинку.

— Одна? — он фыркнул, и в его бархатном голосе впервые прозвучали нотки раздражения. — Элиза, что с тобой?

Мы же столько всего планировали! Ты должна была обвести Оливера вокруг пальца, родить ему «наследника», а потом мы бы с тобой...

Он не договорил, но по его жадному блеску глаз все стало ясно. Они планировали убрать Оливера с дороги и прибрать к рукам его состояние и земли. И я, в теле его жены, была их главным орудием.

Вот оно что. Не просто измена. Заговор.

— Джоз, — сказала я ледяным тоном, глядя ему прямо в глаза. — Я сказала, что хочу спать. ОДНА. Или тебе напомнить, кто здесь настоящая хозяйка, а кто всего лишь управляющий, у которого, если верить слухам, даже на фонари денег нет?

Он отпрянул, словно его ошпарили. Мое внезапное проявление власти явно застало его врасплох. Он сжал губы, и в его глазах мелькнула злоба, но он тут же ее скрыл.

— Как пожелаешь, леди Элиза, — он произнес это с подчеркнутой почтительностью, но я видела, как напряглись его пальцы. — Ваши покои на втором этаже, в восточном крыле. Лестница в конце коридора.

И, не говоря больше ни слова, он развернулся и растворился в темноте, оставив меня одну с трепещущим от ярости сердцем и светящимся шариком в дрожащей руке.

«Ну что ж, мистер Цветочков, — подумала я, поднимаясь по лестнице. — Завтра мы с тобой проведем очень содержательную беседу. И я внимательно изучу все бухгалтерские книги».

Я пошла на второй этаж, цепляясь памятью за указания Джоза. И с тревогой заметила, что стала много забывать — куда повернула, что он сказал. Будто на меня что-то влияло. Я сразу вспомнила, как одна из моих подруг жаловалась, что беременность сказывается на памяти. «Только бы меня это не затронуло по-настоящему», — с надеждой подумала я. Но сейчас сказывалось что-то другое — дикая усталость, стресс и переизбыток впечатлений.

Я все же нашла свою комнату. Если честно, она была прекрасна даже в призрачном свете луны. Видимо, она была угловой, потому что имела три огромных панорамных окна, которые под острым углом сходились в одной точке. Комната напоминала усеченный треугольник. И как раз в том самом «срезанном» угле, где сходились окна, стояла огромная, шикарная кровать. Окна не были зашторены, и комната была залита серебристым лунным светом. И повсюду стояли цве-

ты. Я не знала, что поддерживало их жизнь, но все они были свежими и благоухающими.

Но кровать манила к себе сильнее любой эстетики. Я больше ни на что не хотела смотреть. Не умываясь, я с трудом стянула с себя всю дорожную одежду — кожаные штаны, куртку, сапоги. Осталась только в аккуратной хлопковой майке и тонких шелковистых шортиках, больше напоминавших изящные панталончики.

Как измученная кошечка, я пробралась на невероятно мягкую постель и утонула в ней, намертво закутавшись в прохладное шелковое одеяло. На удивление, постельное белье пахло чем-то невероятно приятным — цветочным ароматом с легкой, успокаивающей лимонной ноткой. Запах не бодрил, а, наоборот, погружал в сладкую дремоту.

Я провалилась в глубокий, беспробудный сон, но через какое-то время сквозь его толщу до меня донеслось ощущение, что матрас прогнулся под чьим-то весом. Кто-то большой и теплый пристроился сзади и сквозь одеяло начал подтягивать меня к себе, обвивая рукой талию.

Раздражение вспыхнуло во мне мгновенно. Неужели этот наглый управляющий решил проигнорировать все мои запреты?

— Джоз, я сказала, что хочу поспать одна... — прохрипела я сквозь сон, полная решимости дать отпор.

Тишина за моей спиной стала гробовой, а потом ее пререзал низкий, грозный рык, от которого по коже побежали мурашки, а по спине — волна обжигающего жара.

— Джоз ?! — прозвучал голос Оливера, и в нем клокотала такая ярость, что, кажется, воздух вокруг затрещал. Мне показалось, что сзади меня стало уж очень жарко, и кто-то запыхтел, словно готовый изрыгнуть пламя.

«Да что ж такое-то а?» — в отчаянии подумала я, все еще находясь в полудреме, но уже понимая, что только что своими сонными лепетом подбросила дров в и без того готовый вспыхнуть костер драконьей ревности.

Просыпаться предстояло интересно. Очень интересно.

Глава 12

Я затаилась, не зная, как реагировать. С одной стороны, у Оливера и Элизы были, по сути, деловые отношения без обязательств. Но сейчас в его голосе слышалась дикая, первобытная ревность и самые что ни на есть собственнические чувства. Мне надо было как-то ответить, успокоить его, но не раскрывая себя. Любое неверное слово могло выдать во мне чужую душу.

Притвориться спящей? Глупо, я сама только что говорила. Оттолкнуть его? Спровоцирую скандал. Объяснять? Слов не хватит.

А что, если...?

Я вздохнула, все еще с закрытыми глазами, и повернулась к нему, с трудом высвобождаясь из шелкового кокона одеяла. И, как истинная женщина, под действием какого-то древнего инстинкта, подтянулась к его большому, теплему телу. Я закинула одну ногу на его ноги, просунула руку под его мощную руку и прижалась всем телом, уткнувшись лицом в его грудь, громко и сонно выдохнув.

Он сначала резко напрягся, будто к нему прикоснулись раскаленным железом. Его мышцы стали каменными. Но через секунду, две... он выдохнул, и все его тело медленно, постепенно расслабилось. Его рука, лежавшая на мне, сжалась, притягивая меня еще ближе, а его лицо уткнулось в мои волосы. Еще мгновение — и его дыхание стало глубоким и размеренным. Он засыпал, все еще крепко обнимая меня, будто боясь, что я исчезну.

Победа. Временная, хрупкая, но победа. Однозначно, утром он будет меня расспрашивать. Но сейчас буря была усмирена.

И именно в этой тишине, в полной безопасности его объятий, я уловила незнакомый запах, которого раньше на нем не было. Сквозь его привычный аромат дыма, кожи и чего-то дикого и могучего, витал тонкий, но отчетливый шлейф... жасмина.

Почему от Оливера пахло жасмином? Куда он летал сразу после нашего приезда? И, если уж на то пошло, что он вообще делает в моей постели, если, по словам Елены, у нас должны быть разные комнаты?

"Ладно, — последняя связная мысль проплыла перед тем, как сон окончательно накрыл меня с головой. — Разберусь

с этим завтра."

А пока... пока так сладко в его объятиях. И так невероятно комфортно.

Разбудила меня, как и следовало ожидать, утренняя тошнота. В комнате было не просто светло, а ослепительно. Мои покои явно выходили на восток, и утреннее солнце било в панорамные окна с такой силой, что больно было смотреть. А учитывая, что в комнате было несколько больших зеркал в золоченых рамах, свет множился и отражался, заливая все вокруг золотым сиянием. Но самое удивительное было в другом — лучи падали точно на те места, где стояли цветы. Я, преодолевая подкатывающую тошноту, посмотрела на них и ахнула: прямо на моих глазах бутоны один за другим начинали раскрываться, поворачиваясь к солнцу. Каких только оттенков здесь не было!

Мне дико захотелось подойти поближе, рассмотреть эту магию, но в тот же миг волна дурноты накатила с новой силой. Я метнула взгляд по сторонам, увидела неприметную дверь поменьше и, как подсказывала интуиция, понеслась туда. Не ошиблась — за ней скрывалась ванная комната с отдельным санузлом. К нему я и устремилась.

О, как же мне было плохо... И снова, сидя на холодном

полу, я почувствовала дикую, щемящую жалость к себе. А еще — странную обиду, что, когда я улепетывала из кровати, Оливера рядом не было. Хотя с какой стати он должен был быть? Наши отношения... какие бы они ни были, явно не подразумевали дежурство у туалета.

Когда приступ окончательно отпустил, я, обессиленная, так и осталась сидеть на полу, прислонившись спиной к прохладной стене и пытаюсь ровно дышать. «Бедные женщины, — подумала я, поглаживая низ живота. — Бедные, бедные. Тяжело даются детки. А дракончики, видимо, в особенности».

Тут же в голову пришла более практичная мысль. А мне разве не надо показаться какому-нибудь лекарю? Врачу-акушеру? Ведь кто-то должен вести эту странную беременность. Надо будет обязательно поговорить об этом с Еленой. Или... с Оливером.

С трудом поднявшись, я на карачках выползла из санузла, чтобы осмотреть ванную. Она была так же прекрасна, как и спальня. Большое панорамное окно, рядом с которым стояла изящная ванна на гнутых, словно ветви, бежевых ножках. Ну, прям мечта принцессы. И, конечно, здесь тоже были цветы. Я заметила, что все они были не срезанными в вазах, а росли в горшках с землей. Здесь уже были другие сорта,

вероятно, те, что любят влажный воздух.

Я встала, умылась прохладной водой, нашла аккуратно разложенные принадлежности — мягкую ткань вместо полотенца, разобралась с щеткой и пастой, почистила зубы. Понюхала гель для умывания с ароматом персика и решилась. Кожа после него сразу стала невероятно мягкой и приятно пахнущей.

Я уже подумала о том, чтобы принять ванну, но слабость и пустота в желудке заявили о себе решительнее. Нет, сначала еда. Решив не медлить, я быстренько сполоснулась под теплой струей душа (да, здесь была и такая штука, похожая на лейку!), завернулась в полотенце и, вся благоухающая и довольная, вышла обратно в спальню.

Тут мой взгляд упал на еще одну, третью дверь. «Интересно, что за ней? Наверняка гардеробная». И я была права. Наскоро натянув на себя первые попавшиеся под руку шелковые розовые штаны, мягкие тапочки в тон и укороченное кимоно поверх ажурной майки, я отправилась на поиски кухни.

Предстояло найти еду, а заодно и разобраться, с чего начинается аудит Усадьбы Цветов, пока ее загадочный управляющий не сбежал со всеми отчетностями.

Самое удивительное, что, пока я шла по этому прекрасно-му, но пустынному дому, я не встретила вообще никого из прислуги. Ни единой души. Но надо отдать должное — везде было идеально чисто. Повсюду стояли те же самые цветы в горшках, а стены украшала изящная лепнина с растительными мотивами. И конечно, эти панорамные окна, через которые лился солнечный свет. У меня сложилось стойкое впечатление, что весь дом был построен не для людей, а именно для этих цветов.

Я предположила, что кухня должна быть где-то на первом этаже, и не ошиблась. Я шла на запах. Пахло чем-то молочным, сладковатым и очень аппетитным — явно кашей. Я возрадовалась, услышав, как из-за двери доносится веселая, задорная песня, которую исполнял звонкий женский голос.

Я заглянула внутрь и застыла в умилении. На кухне, полной медной посуды и глиняных горшков, стояла красивейшая пышная женщина лет пятидесяти. С румяными, как два яблочка, щеками, она ловко управлялась с плитой, при этом весело подпевая себе и пританцовывая, будто на собственной кухне она была и поваром, и солисткой, и балериной. Я невольно рассмеялась, глядя на нее. Ее волосы, рыжего, как медь, оттенка, были запрятаны под белый колпак, но из-под него выбивалась толстая коса.

— Здравствуйте, — постаралась сказать я как можно аккуратнее, чтобы не спугнуть эту жизнерадостную фею кулинарии.

— Ох, леди Элиза! — женщина повернулась, и ее лицо озарилось такой искренней, доброй улыбкой, что на душе сразу стало тепло. — Не ожидала, что вы так рано проснетесь! Мне говорили, вы любите спать до обеда... Ох, что это я болтаю, простите меня, пожалуйста! — она смущенно всплеснула руками. — Здесь так бывает редко особы высшего света. Сейчас я подам завтрак вам в главную столовую!

— А... можно я здесь позавтракаю? — робко спросила я, испугавшись, что сейчас меня выставят в холодные, пустые парадные залы. — Здесь у вас так приятно и... интересно.

Она посмотрела на меня с таким ошеломленным выражением, что я поспешила разрядить обстановку.

— А как вас зовут?

— Ох, простите меня, госпожа, я не представилась! — она сделала подобие реверанса, не выпуская из рук поварешки. — Меня зовут Иза. Я работаю на кухне у господина Оливера, ну и... у вас здесь, в Усадьбе Цветов.

— Очень приятно, Иза, — улыбнулась я. — Так ты не против, если я вот сюда присяду? — я показала на простой деревянный стол в углу, за которым, вероятно, завтракала сама прислуга. — Пахнет очень вкусно, и я... не хочу завтракать в одиночестве.

— Конечно, конечно! — засуетилась Иза, быстро подбежав и начисто вытерев стол и стул краем фартука. — Присаживайтесь, леди! Что желаете на завтрак? Уже готова каша.

— Кашу буду. С удовольствием, — облизнулась я, чувствуя, как слюнки текут от одного только аромата.

Пока Иза накладывала в глиняную миску дымящуюся, маслянистую кашу с медовой пропиткой и ягодами, я с наслаждением оглядывала кухню. Это было то самое место, где пахло жизнью, домом и чем-то настоящим. И впервые с тех пор, как я оказалась в этом теле, я почувствовала не просто голод, а спокойную, уверенную радость. Возможно, не все здесь было так уж плохо. Особенно если на кухне работают такие Изы.

— Иза, скажи, пожалуйста, а где все? — спросила я, дую на ложку с обалденно вкусной кашей. — Где прислуга, где господин Джоз, где господин Оливер и госпожа Елена? В доме так пустынно.

Иза аккуратно начала поглаживать свой фартук и немного опустила взгляд.

— Так, госпожа, всех слуг сократил господин Джоз, с вашего позволения. Они теперь периодически приходят на разовые работы, и все переехали жить в деревушку рядом.

Я замерла с ложкой в руках. «Надо же, интересно», — пронеслось в голове. Какая «оптимизация»... Без моего ведома.

— Господин Оливер, наверное, в своей комнате спит еще, госпожа Елена вернулась в глубокой ночью и тоже еще спит. Господин Джоз уехал буквально полчаса назад по каким-то своим важным делам. Он даже завтракать не стал. А вы встали очень рано, — Иза снова улыбнулась, глядя на меня добрыми глазами.

— И расскажи еще, пожалуйста, кто тогда так следит за домом? Везде очень чисто, — продолжала я расспрашивать, завтракая.

— Мы все очень любим господина Оливера. И мы, вся прислуга, очень давно работаем здесь на господина. Но, как вы помните, Усадьба Цветов была свадебным подарком вам от него, и вы поставили здесь управлять господина Джоза.

И он принял решение всех сократить. Оставили только меня, чтобы я готовила. Иногда господин Джоз платит работникам, чтобы они приходили и делали какие-то разовые работы... но все приходят намного чаще, потому что верят, что господин Оливер позовет всех обратно.

Я слушала и была в шоке. Картина вырисовывалась удручающая: самозванец-управляющий, разогнавший верный персонал, и команда энтузиастов, работающих практически за спасибо из верности хозяину, который даже не живет здесь.

— Иза, то есть все приходят и работают бесплатно?

— Да, моя госпожа. Мы верим в господина Оливера. И в вас, — как-то смущенно краснея, сказала Иза, зажимая в руках свой передник.

Это было настолько трогательно, что я почувствовала, как к горлу подступают предательские слезы. Я положила ложку, встала и подошла к Изе.

— Иза, я обещаю, что я сделаю все что возможно, чтобы вернуть персонал сюда. Я создам для вас прекрасные условия, — сказала я, глядя в глаза ошарашенной женщине.

А потом нахлынули гормональные эмоции. Я всплакнула и обняла ее, чем окончательно привела бедную женщину в ступор. Иза ахнула, аккуратно посадила меня обратно на стул и забегала, чтобы заварить мне вкусный успокаивающий чай.

Выпив его, я, полная решимости, отправилась к Оливеру, предварительно узнав у Изы, где находится его комната. Нужно было срочно начать решать вопрос с персоналом. Но чем ближе я подходила к его двери, тем четче начинала чувствовать тот самый, незнакомый вчера запах жасмина. И мне это дико не нравилось. Внутри все сжималось в холодный комок.

Подойдя к его дверям, я уже внутренне рычала, боясь увидеть то, чего не хочу. Я постучалась. Никто не ответил. Я вздохнула, закрыла на секунду глаза, сконцентрировалась и, толкнув дверь, вошла внутрь.

— Оливер, дорогой... — протянул томный, незнакомый женский голос с кровати.

На огромной кровати из темного дерева, на алом шелковом белье, лежала, изогнувшись в соблазнительной позе, полностью обнаженная красивая брюнетка. И в комнате, густой и тяжелой волной, бил в нос запах жасмина.

Ох ты ж блиин....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.